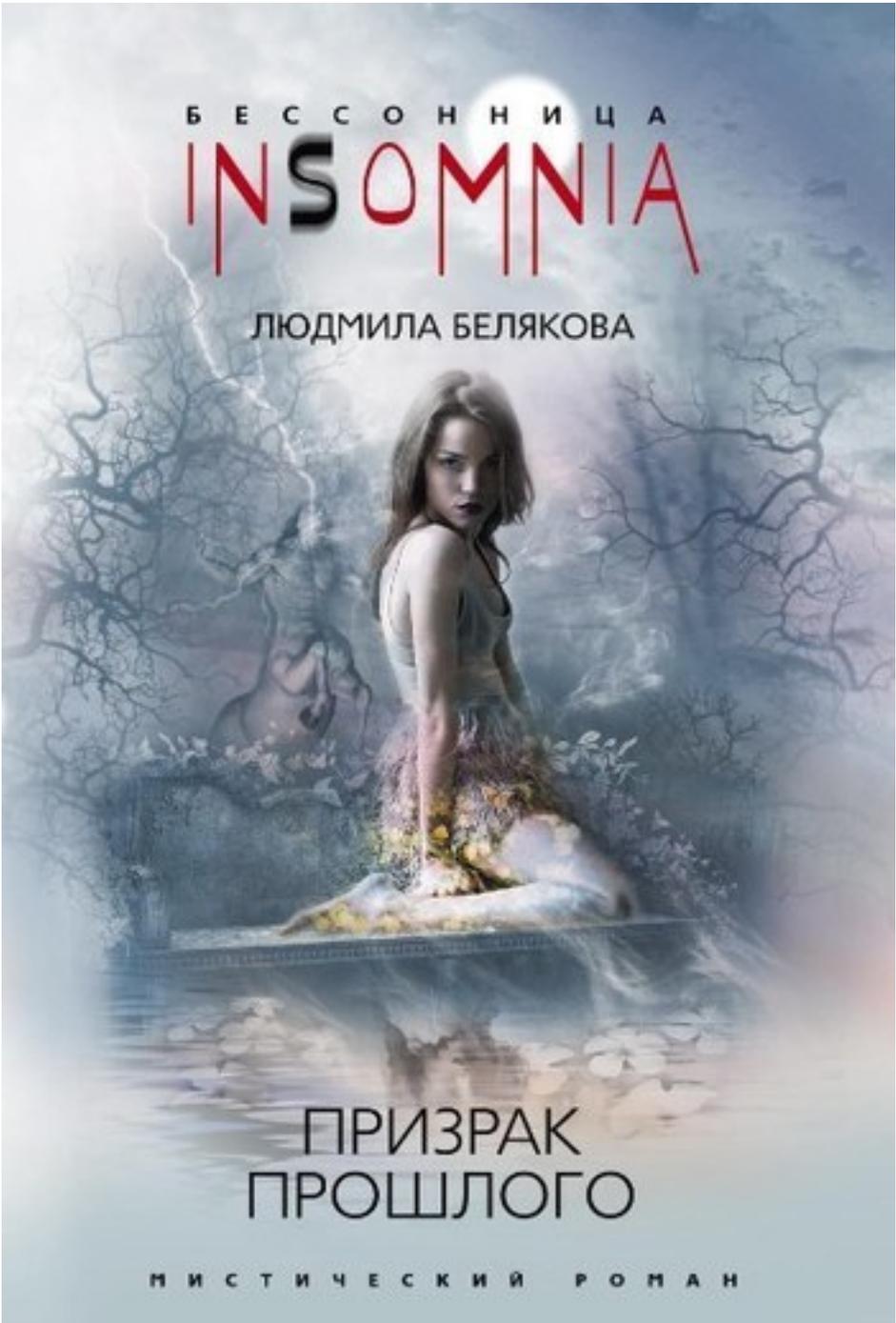

Б Е С С О Н Н И Ц А
INSOMNIA

ЛЮДМИЛА БЕЛЯКОВА

A woman with long brown hair, wearing a light-colored top and a long, colorful floral-patterned skirt, stands on a stone bridge over a body of water. The background is a dark, misty forest with bare trees and a full moon in the sky. The overall mood is mysterious and atmospheric.

ПРИЗРАК
ПРОШЛОГО

М И С Т И Ч Е С К И Й   Р О М А Н

Людмила Белякова
Призрак прошлого

«Центрполиграф»

2010

Белякова Л. И.

Призрак прошлого / Л. И. Белякова — «Центрполиграф», 2010

С незапамятных времен жители окрестных сел возле небольшого городка панически боялись «водяного коня» и передавали рассказы о его зверствах только шепотом. Считалось, что мифический получеловек-полуконь в определенное время ищет своих жертв. И вдруг новости о растерзанных телах молодых женщин нарушили покой городка. Главный редактор газеты, бывший сотрудник Комитета государственной безопасности, рассказал своему лучшему журналисту Андрею Полевому историю «водяного коня». Андрей пытается выяснить все подробности этого загадочного дела. Однако древнее предание к делу не пришьешь, и подозрения местной милиции падают на шустрого и любопытного журналиста... В этой книге вы вновь встретитесь с героями романа Л. Беляковой «Смерть на кончике пера».

© Белякова Л. И., 2010

© Центрполиграф, 2010

Людмила Игоревна Белякова

Призрак прошлого

Мистический роман

В тот день главный редактор, получив от Андрея статью про ученых-эниологов, больше ничем грузить его не стал и отпустил на все четыре стороны.

Дома, даже не посетив кухню, Андрей присел за стол и в который раз положил перед собой записку Анны О.:

«Андрей, дорогой, извини, что я уезжаю не простившись, но это ненадолго. Мне нужно проверить, – ты сам знаешь что. Я устроилась воспитательницей в детский лагерь. Не надо меня разыскивать, хорошо? Я вернусь и найду тебя. Спасибо за все, что ты для меня сделал. Будь счастлив. Привет М. Ю.
Анна О.»

«Девушка писала не волнуясь, не нервничая... Выполняла долг вежливости. Ведь могла бы позвонить, а? За столько-то времени! То, через что мы с ней прошли, вроде бы к чему-то обязывает».

Не хотелось себе признаваться, что он просто болезненно и глубоко обижен на Анну, не выказавшую той доли признательности, на которую он как будто был вправе рассчитывать.

«Да ведь буквально с колен поднял! Что бы с ней было, если бы не я? Хотя... Она же меня не просила... И ничем, следовательно, мне не обязана...»

Чувствуя, что вот-вот загонит себя в депрессию, Андрей решительно встал и пошел стряпать свой нехитрый холостяцкий ужин.

«Но ведь от ворот поворот Анна О. мне не давала – просто отлучилась по неотложным делам. Сделает – объявится. Надо просто подождать».

Аутотренинг, или горячий свежий чай, или все вместе помогло. Тяжелая волна отчаяния нехотя, как океанский отлив, уползла, оставив на берегу мусор и дохлых рыбок. Появилась мысль сходить в «Подкову», но Андрей уличил себя в безумном желании найти там Анну О. Но ее там не могло быть по определению, а сидеть просто так, вспоминая всю эту почти неправдоподобную историю, – нет смысла. И Тамарку Зуеву встречать совсем не хотелось. Хорошо, что он уже неплохо ориентируется на этой русалочьей местности и ее помощь ему стала не нужна.

– Ты чем сейчас занят? – спросил Борода у Андрея на следующее утро.

– Позвоню эниологам, может, они уже что-то там обработали... Надо ж продолжение ваять.

– А, да... Но это все равно через номер. Пока не горит. Возьми там у Вали – есть небольшое заданье. На перспективу, а?

– Как скажете, шеф.

– Твоя тема – о скрытых пружинах событий, – услышал Андрей сказанное в спину, и эти слова ему почему-то не понравились.

– Валь, привет. Тут чего-то по факсу должно было прийти...

– Да, пришло. Я думала, это только для некролога, а тут такое...

– Опять кого-то убили? – завертелся ужом Андрей. – И я, как всегда, крайний?!

Выздороветь не дадут!

– Да нет, вроде нет.

– Вроде не убили или я не крайний?

– Не злись. Я свою долю, некролог то есть, уже набила.

Валя протянула ему два листика.

– А твоя доля – расследовательская журналистика. Ты ж у нас супер.

– Угу, то есть все-таки крайний.

Андрей сел за стол и принялся читать.

Первый лист, напечатанный на пишущей машинке с нервно скачущими буквами, содержал этапы славной жизни заместителя директора одной из двух имевшихся в России канатных фабрик, нестарого еще человека, с молодых ногтей тянувшего лямку создания всевозможных веревок, шнуров и шпагатов. Второй лист, написанный от руки, был письмом вдовы в органы и повествовал о том, что несколько месяцев назад замдиректора стал мучиться головными болями, похудел, а когда принялся ходить по врачам, не получил ни точного диагноза, ни лечения. Говорил, будто у него в голове словно зверь кровожадный поселился и мозги гложет, гложет...

В один прекрасный день, придя на работу, замдиректора свил петлю из той самой веревки, которой посвятил жизнь, и повесился в собственном служебном кабинете на люстре. Предсмертной записки не оставил.

«Да, замечательный материал – улет!.. Прямо руководство к действию».

Вдова просила расследовать причину гибели, подозревала, что это могло быть и убийство или, по крайней мере, доведение до самоубийства.

– Валь, я чей-то не понял из контекста – эта история когда случилась? – поднял голову Андрей.

– Да месяц с лишним...

– А чего ты – «некролог, некролог»?

– Ну, это я так назвала. На сороковины заметочка. Я тебя дезориентировала?

– Пустяки. А ведь гадкая история!

– Гаже некуда. Ты чуешь, да? Довели мужика.

– Думаешь, довели?

– Просматривается. Жена видела, как он доходил.

На откопированном листке были дописаны фамилии и номера телефонов администрации канатного предприятия и домашний, вдовий.

– И чего они от нас хотят? Если органы ничего выяснить не смогли, мы-то тут при чем? Не нам их проверять.

– Мне кажется, – подняла жалостные глаза Валя, – они просто хотят, чтобы мы написали историю жизни и гибели человека. Он на это право имеет, даже если там и нет настоящего преступления. Наказать за такую доводку нельзя, а обличить можно. Мне кажется, Михал Юрич это имел в виду.

– Да... Но тут есть и еще что-то.

– Есть, Андрюша, есть... Какая-то злая воля. Чего-то они скрывают.

«Люди в белых халатах ничего не скажут. Они все друг друга покрывают. Тут надо консультироваться у тех, кто решительно не способен совершить смертельно опасной для больного ошибки».

– Валь, я отойду по этому заданию. – Андрей решительно встал.

Дошел до трамвайного кольца, отправился на свой любимый объект – в морг горбольницы. На улице стало прохладнее – видимо, кроме черемухи зацвел невзрачными зелеными цветочками еще и дуб. Небо нахмурилось рваными сине-серыми тучами.

В приземистое помещение морга Андрей входить не стал, попросил неприветливую санитарку в резиновом фартуке вызвать к нему заведующую. Появилась знакомая гражданка с буквой «М» на шапочке.

– Вот, опять к вашей любезности. Ведь приглашали?

Врачица натянуто улыбнулась.

– Пожалуйста. Давайте зайдем – холодно.

– Только неглубоко – я не могу привыкнуть к этому запаху. Мне кажется, он впитывается в одежду.

– Да... Но выветривается тоже легко.

«Чего не сделаешь, чтобы выполнить задание», – подумал Андрей и сделал-таки пару шагов внутрь склепа.

– Я по поводу гибели замдиректора канатной фабрики. Вы, конечно, не обязаны все помнить – он покончил с собой сорок дней назад.

– Нет-нет, помню... Предприятие уникальное в своем роде, его многие знали.

– И чем он болел?

– Ничем. Ничего не нашли. По инструкции, самоубийц мы можем и не подвергать аутопсии...

– Мария Алексеевна, ради бога!

– Чего вы всегда пугаетесь? Смерть – неотъемлемая часть жизни.

– Лучше бы была отъемлемая... Так что там с самоубийцами?

– Вдова настояла на полном исследовании, мы пошли навстречу. И ничего не нашли. Так, обычные возрастные изменения. Практически здоровый человек. Жил бы да жил.

– Но голова-то у него почему-то болела?

– Ну, невралгия, неврозы... Мало ли. Начальник ведь. Это стрессогенно.

Запах заношенных, лежалых тряпок непреодолимо проникал во все клетки тела изнемогающего Андрея.

– Диагноз наших коллег подтвердился. Это главное. Они ему говорили, что никаких органических изменений головного мозга у него не было. Рентген, сканирование – все чисто. Голова как голова. Наверное, просто усталость, скачки давления.

– Скажите, а его карточка сохранилась?

– Да, она здесь в поликлинике, в архиве. Год будет лежать, потом ее перешлют в областной архив – он в Зарайске. А через десять лет сожгут.

– А получить ее нельзя?

– Во-первых, нельзя, а во-вторых, что вы там поймете?

– Я не пойму – вы мне расскажете.

– Это не по правилам.

– А здорового человека до петли довести по правилам?

– Это вдова так думает. Наши врачи здесь ни при чем.

– А я и не говорю, что это ваши врачи. Тут кто-то другой постарался. Замдиректора по канатам был здоров и накладывать на себя руки, например из-за неизлечимого заболевания, у него не было никакой причины. Возможно, причина лежит в другой плоскости, немедицинской.

– Так там и поищите.

Снаружи дул порывистый, холодный ветер. Никогда Андрей не радовался ему так, как сейчас.

«Во, сейчас пропылесосит меня хорошенько! Только бы не до воспаления легких. Тут уж виноватых искать не станут... Или нашелся бы кто-то?...»

По небу, задирая носы, как глиссеры, неслись с неестественной скоростью разнокалиберные облака. На обратном пути Андрей зашел в основной корпус горбольницы. Во второй половине дня здесь было немногочисленно. Андрей долго изучал расписание приемов, бросил беглый взгляд на пункт охраны, ненавязчиво притулившийся рядом со входом. Сейчас на него, крутившегося на самом виду, подозрительно смотрел охранник.

Пора было возвращаться в редакцию.

– Как успехи? Есть что-нибудь? – спросила Валя, пившая чай за своим столом.

– Угу. Надо в прокуратуру звонить.

– Ну ты и крут.

– Меня послали, я должен идти. Борода, поди, номер ваяет?

Андрей приличия ради стукнул в дверь и сунул в щель голову:

– Михал Юрич, вы заняты?

– А как же... А ты чего хотел?

– Кто вам прислал этот факс, ну про зам-Всевышнего по веревкам, – ему нельзя позвонить?

– Неуважительно ты как-то об усопшем... Позвонить можно. Телефон запиши, скажешь – ты мой лучший корреспондент.

– Балуете вы меня.

Приятель Бороды был на обеде, и девушка на коммутаторе обещала соединить их, как только представится возможность. Возможность появилась минут через двадцать. Андрей сказал, что занимается делом замдиректора-самоубийцы и спросил про медкарту: нельзя ли устроить так, чтобы с помощью органов ему можно было с ней ознакомиться?

– А у вас есть медицинское образование, разобраться сможете?

– Там дело не в здоровье. Болен он ничем смертельным не был, и поэтому его не лечили. Я хочу знать, как складывались у него последние дни перед роковым шагом. Где был, что делал... Может, я ничего не узнаю, но хочу кое-что проверить. Не можете ли вы добыть мне разрешение взглянуть на его медицинскую карточку?

– Этого не требуется. У нас в деле есть ксерокопия.

– Ух, здорово! – искренне обрадовался Андрей.

– Да... Я отдам распоряжение. Ждите. Сегодня будет. Но никому не показывайте. Ознакомьтесь и уничтожьте. Это конфиденциальная информация.

– Конечно, конечно. Михал Юрич нас тут в ежовых рукавицах держит.

«Ага, мехом внутрь... Надо запомнить».

Еще час Андрей ждал, потом зазвонил телефон. Валя сказала: «Да, включаю» – и из факса, как фарш из мясорубки, ленься и нехотя, полезли листы.

«Вот сейчас опять нарою чего-нибудь такого, потом три месяца только на это работать и буду!» – вдруг припомнил он, как «шил дело» Анны К.

Он решительно потрянул головой и постарался вникнуть в суть происходящего.

...Энтузиаст канатного производства был действительно здоровым человеком, а частые, практически каждодневные, записи о посещении поликлиники появились за месяц с небольшим до смерти. Потом следовала недельная пауза – и роковой прыжок с рабочего стола. Андрей чертыхался про себя, разбирал почерки врачей, но все же составил график больничного передвижения замдиректора.

– Получается что-нибудь? – участливо спро сила Валя. – Чего-то ты молчаливый в последнее время.

– А разве обычно я болтливый? – нарочито удивился Андрей, не отрываясь от листков.

– Нет, но обычно ты веселый.

«Замечают коллеги. В провинции все у всех на виду», – невесело подумал он.

– Повеселишься тут... Я думаю, почему человек вдруг перестал ходить по врачам? У последнего был – у невропатолога, а потом вдруг раз! – пауза и...

– Может, жена знает? Позвони спроси. Она же заинтересована в результатах.

Телефон у вдовы оказался только домашний, там не отвечали. Было уже пять вечера.

– Пожалуй, я пойду, – вздохнул Андрей.

– Давай. Завтра когда будешь?

– Как всегда.

«Завтра, если получится, вытрясу из Бороды адреса всех лагерей отдыха в районе, отберу у него машину и поеду разыскивать Анну О.», – неожиданно для себя решил Андрей. Сколько можно ее не видеть и так, гнусно и безысходно, хоть вой, тосковать?

За ужином и телевизором чуть не забыл позвонить замдиректорской вдове.

– Скажите, а по какой причине ваш муж перестал ходить по врачам?

– Он не переставал. Он и в тот день, когда... ну, когда...

– Я понял, понял.

– ...он с утра у врача был. Потом сразу пошел на работу.

– Это не совсем так. Последняя запись о приеме в поликлинике у невропатолога в больничной карте обозначена двадцатым марта, а двадцать девятого уже находим запись – сдать карточку в архив из-за кончины пациента. Он бросил ходить по врачам за восемь дней до своего трагического поступка. Как вы можете это объяснить?

– Никак. Он все время ходил к врачу.

– Может, он ходил к частнику, к платному врачу, не в поликлинику?...

– Нет, я бы знала. Он ходил в горбольницу. Это точно.

– Но свидетельств об этом нет. А вы не помните фамилию последнего врача?

– Ой, как-то на «ский»... Он говорил, но я не помню.

– Ладно, я проверю.

«Значит, нашелся какой-то неизвестный ловкачок, который мужика в неделю ухайдокал!.. А куда делся? Придется завтра опять идти в больницу и плотно работать с персоналом. Что ж, так, глядишь, доживу до следующего номера и со всеми силами нерастраченной юношеской души примусь за поиски Анны О. Сколько она у нас в очередных бегах? Третью неделю? Или уже четвертую?»

Наутро Борода верстал следующий номер и был психически недоступен – Андрей взял копию карточки и записи, поехал в горбольницу и полчаса торчал у расписания приема врачей, сравнивая свои записи. На «ский» было только два врача: один педиатр, другой гинеколог. Оба Андрею решительно не подходили.

– Молодой человек, а вы у нас чем больны? – слышался над ухом негромкий, вкрадчивый голос.

Андрей вздрогнул и обернулся. Рядом стоял тот немолодой охранник в черном, которого он видел накануне.

– Я вас второй раз вижу за последние сутки, и все вроде как не по делу... Документы у вас какие-нибудь есть?

– А то! – злорадно ответил Андрей.

Он торопливо полез во внутренний карман куртки. Охранник нервно дернулся, следя за его рукой, и Андрей стал двигаться помедленней.

– Так, – охранник разочарованно посмотрел на корреспондентское удостоверение, – и что же вас сюда привело?

– Вот, кстати, может, вы прессе поспособствуете. По моим сведениям, в больнице принимал некий специалист с фамилией на «ский», а вот фамилии я здесь не вижу.

– Почему? – удивился охранник. – Такие фамилии есть.

– Нет-нет, эти врачи мне не подходят по определению. К тому же меня интересуют сведения полутора-двухмесячной давности.

– Н-да... Здесь арендуют кабинеты частники – может, среди них?

– О! – воскликнул Андрей так громко, что на него обернулись старушки из очереди в регистратуру. – А где можно ознакомиться со сведениями этого порядка?

– А вам зачем?

– Да вот, видите ли, у меня складывается впечатление, что один человек, вполне здоровый, пообщавшись с таким «врачом», наложил на себя руки. Я хотел бы разобраться получше.

– Писать об этом будете?

– Ведь стоит, а? Человека-то нет.

– Да... Ну, если вы из «Крестьянки», могу показать список. Персонал, который имеет постоянный допуск в здание. Пройдемте.

«Ага, бывший мент...» – тотчас сообразил Андрей.

Арендаторы – мануальщики и травники – менялись довольно редко. Часто переезжали с места на место специалисты по биоэнергетике и прочие экстрасенсы. Из всех лекарей, пожалуй, единственной подходящей кандидатурой оказался некий Корсунский Ю. Я., проработавший в помещении поликлиники месяца три и убывший в неизвестном направлении в конце марта в связи с окончанием срока аренды.

Андрей набрал на сотовом телефон вдовы.

– Это Андрей, журналист... Вы не припомните фамилию врача, которую называл вам муж, – не Корсунский? Подумайте, это важно.

– Да-да, верно, Корсунский!.. Я тогда еще подумала: корсунский какой-то... Да... А вы его нашли?

– Вроде. Я вам из редакции перезвоню.

Андрей отключил мобильник и повернулся к сидящему рядом охраннику.

– И что? – спросил тот.

– Похоже, именно этот Корсунский лечил моего героя.

– Ну дела...

– А договоры на аренду где хранятся? Там ведь, наверное, есть паспортные данные, адрес?

– У замглавврача по хозяйственной части. Только он вам ничего не даст.

– Мне не дадут, прокуратуре дадут, – хмыкнул Андрей. – Я ведь не от своей левой ноги сведения получил.

– Ах вот как...

– Угу. Ладно, не буду отвлекать. Пойду писать. Спасибо большое.

– Только на меня, парень, не ссылайся, хорошо? Я так, без балды помог, – забеспокоился охранник.

– Зачем? Я все заслуги себе припишу, – улыбнулся Андрей.

«Значит, так. Напишем проблемную, грустную статью. Пусть потом органы ищут этого экстрасенса и выясняют, где и чем он сейчас промышляет. Вот права, права Ксюша Петровна – подальше от этой экстрасенсорики надо держаться! Смирение, пост и молитовка! Мудрая она тетенька. Я тоже молодец и заслужил бигмак! Пост отложим».

Андрей пошел в редакцию пешком, шурясь от то и дело выскакивающего из-за облаков беспощадно яркого солнца. Заметно теплело.

– Тебе дама какая-то звонила. Просила перезвонить, – сказала Валя, уже собиравшаяся ехать в типографию.

– Я знаю, душечка. Сейчас брякну.

– Опять ласковый? – удивилась она. – Сцапал кого-нибудь, хищный ты наш?

– Ага. Парапсихолога одного подловатого.

– Едешь, Валя? – появился в дверях помятый с лица, усталый главред.

– Еду, еду!

Валя убежала, Андрей повернулся к главному.

– Ну все, Михал Юрич, сейчас вы от меня не отвертитесь, – плотоядно зарычал Андрей.

– А я и не буду. Только чаю попью, и я твой. Ты сам обедал?

– Да, на пути из морга.

– Чего? Шутишь так? – поднял глаза Борода, наливая кипяток в чашку.

– Хороши шутки!.. Видимо, замдир-то наш, отчаявшись узнать причину своего недомогания, кинулся в объятия нетрадиционной медицины, а тот прохиндей, чтобы вышибить из него побольше денег, наговорил с три короба про его безнадежное состояние. Тот и повесился... Замдир в то несчастное утро у некоего Корсунского был, а как пришел на работу, так в петлю полез. А Корсунский тут же смылся... По-другому как будто не получается.

– Да, звучит правдоподобно. Ты моему дружку справочку наваяй – пусть проверит, кто таков. И давай пиши, пиши!..

...Домой Андрей ушел затемно. Статья вытанцовывалась мрачно-обличительная. Врача он обозначил инициалами – прямых улик против него не было, а смысл сводился к тому... Пока он ни к чему не сводился. Вернее, сводился к тому, что не надо верить кому попало... И западать на первые встречные глаза... Пусть большие, грустные и небесно-голубые. Настроения у Андрея хватило только на печальное повествование, а вот на конструктивные выводы...

Вечером он набрал номер Ксении Петровны. Как там ее волшебный дар – не восстановился? Подскажет она ему хоть что-нибудь?

– ...Можно, я к вам зайду? Завтра...

– Заходи... Конечно, Андрюшенька, заходи. А... что у тебя случилось?

«Чувствует все-таки?!»

– Ничего не случилось. В общем и целом за жизнь хочу поплакаться.

Андрей нарочито шумно выдохнул в трубку.

– А... понимаю. Заходи.

– Она вам не звонила? – не смог удержаться Андрей.

– Как уезжала – звонила. Больше – нет... Ты приходи завтра утром. А то я с понедельника в отпуске, уеду ненадолго. Сможешь?

– Да куда ж я денусь!..

Из дверей Ксень-Петровниной квартиры на Андрея пахнуло теплым запахом свежей выпечки.

«Меня ждала! – чуть согрелась душа Андрея. – Хоть кто-то меня ждет, кроме ненасытного упыря глав-вреда!»

– Как я всегда здорово подгадываю, Ксения Петровна, – прямо к тому времени, как вы пирожки из печки высаживаете, – улыбнулся Андрей, вместо приветствия.

– Ну и хорошо, ты же здесь один, без семьи. Я сейчас дело закончу... Ты в комнату пройди пока.

Мельком глянув в сторону кухни, Андрей заметил, что у Ксении Петровны гостья – такого же примерно возраста, худенькая, темноволосая женщина. Гостья начала поспешно собирать с кухонного столика разнокалиберные фотографии. Несколько минут слышались невнятно бубнящие голоса, потом шаги к двери.

Ксения Петровна заперла за гостьей дверь, заглянула в комнату, махнула рукой – пойдем. В кухне сразу выключила пышущую жаром плиту.

– Что – тоже страждущая? – спросил Андрей, садясь на табуретку.

– Да, в какой-то степени, – не очень охотно ответила Ксения Петровна.

– Вы ей помогли, если не секрет?

– И не подумала даже. Если б и могла, не стала бы.

– А чего хотела? Мне просто для жизненного опыта. Расскажите.

– Ну, там такое дело... У нее двадцатилетний сын, вполне хороший мальчик, сбежал из дома, насколько я поняла, из-за ее бесконечных придирок. Не просто куда-то – к своей девочке, с которой встречался. Родители приняли его в семью. Сейчас молодые решили пожениться

официально. А мамаша прибежала ко мне и, поскольку сын отказался возвращаться домой, просила отвадить его от той девочки – ну, от невесты. От жены, можно сказать.

– И вы что?

– А я что? Сказала, что я не цыганка, чтобы кого-то отвораживать-привораживать, и ворожить вообще большой грех. А потом я у нее спросила: как бы она себя чувствовала на месте этой девочки? Если бы молодой человек пожил так, полгода, ради своего удобства, а потом бы бросил ее и вернулся домой? Дочке своей, если б у нее была, она бы такого пожелала?

– А она?

– Говорит: «Эта девка слова доброго не стоит!»

– Правда?

– Неправда. Девочка хорошая, скромная, я ей об этом сказала. И еще я ей сказала... Ты на свой счет этого не принимай, ладно?

– А что? – вдруг, сам того не ожидая, засмутился Андрей.

– Просто я сказала, что почти все мужики как коты: где им хорошо, там и живут. И если у тех людей ее сыну лучше, это их заслуга, и туда, где ему хуже, он добровольно не вернется – ворожи не ворожи.

– Чего обижаться, – хохотнул Андрей, – что правда, то правда. Все мы такие. Где пирожки, там и мужички.

Ксения Петровна улыбнулась:

– Пирожки сейчас выну. Будешь есть, сколько захочешь.

– Ага... А та дама чего?

– Оскорбилась. Сказала, что не ожидала такого от приличной женщины и матери.

– А вы?

– А что я – молчать должна? У меня сын ненамного моложе. Я ответила, что от хороших матерей дети не убегают.

– К ним даже другие прибегают.

Ясновидица опять улыбнулась. Вытащила из духовки противень с пирожками, ловко скинула их на блюдо и, покрыв старомодным вафельным полотенцем, отставила на подоконник. Села напротив, взглянула на Андрея с готовностью слушать. Он не замедлил обрушить на нее бурный поток отчаяния:

– Где она, Ксюша Петровна, а? Скажите мне! Я страдаю! Мне выть хочется – у-у!

– Вот уж не надо... Она мне звонила. Сказала, будет работать с детками в летнем лагере, воспитателем и тренером по легкой атлетике. Для проверки... результатов.

– А почему она со мной не увиделась? Не захотела, да? Противен я ей, что ли?

– Ну, совсем и нет. Она же не уверена... что все случилось... что все закончилось благополучно. Боялась тебе навредить. Только поэтому.

– Я не верю. Она просто не хочет меня видеть.

Андрей слышал, что говорит голосом капризного, обиженного мальчика, но сделать ничего не мог.

– Анечка... она к тебе очень хорошо относится.

– Правда?

– Правда.

– Но мне этого мало!

– Я понимаю, но многого от нее сейчас требовать нельзя. Ты же лучше других знаешь, что она пережила. Другие бы и не поверили...

– А почему, почему она не может пережить этот период со мной? Я же ей помог, не другие!

Андрей подпер щеку рукой и, пригорюнившись, уперся взглядом в буфет образца семидесятых годов прошлого века.

– Так ты от чего страдаешь – от того, что Аню любишь, или от того, что она не рыдает у тебя на груди от благодарности?

Ксения Петровна ехидно прищурилась, склонила голову к плечу – как она делала, когда старалась что-то выловить из общевселенского потока информации.

– Я от всего страдаю, совокупно. Пусть бы она не рыдала от благодарности, но вот у меня на груди – это было бы очень желательно. Подскажите, как ее найти, а?

Ксюша Петровна поставила тарелочку с пирожками перед Андреем и встала, чтобы поставить чайник.

– Не беспокой ее пока, Андрюша. Не время пока для вашей... новой встречи. Пусть все забудется, померкнет. Зачем вам с ней плохое в новую жизнь тащить? Это неразумно.

Андрей вздохнул:

– Я знаю, что неразумно. Но мне от этого не легче. Вдруг она там кого-нибудь встретит?

– Пирожки кушай. Только осторожно, начинка горячая. Не встретит она никого, не переживай.

– Откуда вы знаете? Дар предвидения вернулся?

«А если он и к Анне вернется – ее антидар?» – внутренне ужаснулся Андрей, но почему-то промолчал.

– Никакие это не «дары», – чуть раздраженно ответила Ксения Петровна. – Просто мы много говорили, она со мной делилась... Я ведь тоже молодая была, ребят отсматривала. Знаю.

– Что? – насторожился Андрей, вынимая надкусанный пирожок изо рта.

– Что все у вас будет хорошо. Я это как женщина чувствую. Она тебя выбрала.

– Да?

– Да. – Ксюша Петровна улыбнулась как-то даже торжествующе. – Это мужики думают, что они нас выбирают. На самом деле все наоборот. Если на тебя девчонка глаз положила, тебе не отвертеться.

– Тогда ладно. Тогда пусть, – обреченно произнес Андрей и заработал челюстями.

– Ты, Андрюша, действительно не ищи Аню, – провожая его, повторила Ксения Петровна. – Это для ваших отношений... не полезно.

Андрей взял пухлую, пахнущую ванилью руку бухгалтерши и поднес у губам.

– Как скажете, дорогая. Но я ужасно хочу ее видеть. Вы мне хоть по секрету сообщите, если она позвонит или объявится? Чтоб я знал, что она жива-здоровая. А?

– Если она захочет появиться, сообщит тебе первому. Это я наверняка говорю.

В редакции Валя встретила его смеющимися глазами – буквально давилась от хохота.

– Ты чего – смешинка в рот попала? – не слишком приветливо буркнул Андрей.

– Не-а, зато сейчас кто-то из вас, господа штатники, попадет. У главного такой материал объявился – цимес!

– Валь, кто пришел? – услышал Андрей зычный голос Бороды.

Валя промолчала, вопросительно взглянула на Андрея – собирается реагировать?

– А-а? – повторил главный.

«Была не была – возьму! Быстрее время пройдет!» – внезапно решил он.

– Это я, Михал Юрич.

Андрей вышел в коридор, остановился на пороге комнаты главного.

– Андрюша, у меня для тебя есть потрясающая тема! – заявил тот с восторгом.

На стоящем в сторонке стуле сидел, как проситель, сухонький старичок в костюме и при галстуке. На коленях бережно держал псевдокожаную папочку на кнопке.

– Зайди, родной, я тебе сейчас все объясню.

«Во влип! Обидели старика – придется его выслушивать и в какой-нибудь собес или совет ветеранов брести!»

– Это наш давний друг...

Старик чуть привстал и кивнул Андрею.

– ...заслуженный изобретатель... «Это уже не влип... Это супервлип!»

Какому журналисту неизвестно, что любой материал про изобретения и новации сулит бесчисленные хлопоты во время написания. Но самое страшное начинается после публикации, когда приходится отвечать на возмущенные звонки претендентов на первенство или специалистов, считающих, что «этого не может быть никогда».

– ...многократный герой наших публикаций. Хочет найти спонсоров для своего оригинального новшества. Надо помочь сделать ему материал, фактически рекламный, но так, чтобы нас не упрекнули в скрытой рекламе и не штрафанули. Сделай, дорогой, я тебя умоляю! Изобретение социально значимое, надо помочь.

– Да, давайте пройдем в другую комнату... Меня, кстати, Андреем зовут.

– Поликарпов Никита Васильевич.

Андрей предложил изобретателю сесть, но тот отказался, начал деловито раскладывать на столе аккуратные чертежи. Андрей, принадлежавший к тому сорту людей, которые не нарисовали ни единой линии начиная лет с двенадцати, вздрогнул. По черчению в школе у него было три с минусом, поэтому ему сделалось худо. Он почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову.

Валя тотчас отвернулась, но Андрей увидел, что лицо у нее в красных пятнах, а нижняя губа закушена.

– На эту новацию меня подвигло... «Ну и словечки у тебя, дедуля!»

– ...то обстоятельство, что в настоящее время в некоторых странах, включая нашу многотрадальную державу...

«Дед готовился к визиту всерьез – учись, юнец!»

– ...изнасилования выходят на первые места в статистике особо опасных преступлений.

«Чего-чего?!»

– Суть моего приспособления...

Он положил перед Андреем первый чертеж.

– ...состоит во введении в интимный орган женщины...

Валя вскочила и на цыпочках, поспешно шмыгнула из комнаты. Изобретатель не обратил на это ни малейшего внимания.

– ...устройства не более гигиенического тампона, так часто и охотно рекламируемого нашим телевидением...

«Я сейчас рухну!»

– ...которое при попытке несанкционированного доступа...

«Дед, ты извращенец с мотором!»

– ...просто отсекает или, по крайней мере, наносит невосполнимый ущерб половому члену насильника.

Изобретатель замолк, отложил чертеж.

– Поражающий элемент устройства работает по принципу циркулярной пилы...

«Ты, старый, грязный развратник! Ты хоть представляешь, сколько мне лет и каково мне все это слушать?!»

– ...и может совершать до десяти движений на одном заводе.

– Устройство работает на механической подзаводке? – меланхолически осведомился Андрей.

– Да, опытный образец работает на механизме от обыкновенного будильника.

– Ах так, и опытный образец имеется? – заинтересованно уточнил Андрей.

– Ваш шеф сказал вам, что я изобретатель с многолетним стажем и, следовательно, знаю, что бесполезно идти к внедренцам без опытного образца. Я его сейчас не захватил с собой. Если нужно, могу принести.

– Это в том случае, если Михал Юрич сочтет необходимым поместить фотографию, – нашелся Андрей.

Валя вернулась на место и снова принялась печатать. Дверь за собой тщательно прикрыла, что было против обычного.

– Хорошо, – промолвил Андрей высохшим до шелеста языком. – А не станет ли это устройство... э-э... средством мести, скажем, ревнивых жен неверным мужьям или обиженных женщин – всем мужчинам вообще?

– Законный вопрос, – веско и солидно произнес Поликарпов. – Но та же криминальная статистика свидетельствует, что в девяноста процентах случаев бытовых убийств орудием расправы служат или кухонные ножи, или другие подручные средства. Это же не значит, что следует отказаться от производства и применения ножей или чугунных сковородок, не так ли? Ну а по сути вашего замечания... На первых порах, пока общество не определилось в отношении к подобным средствам индивидуальной защиты, можно, как для любого другого оружия, наладить выдачу лицензий на ношение ВПISКУ...

Андрей видел боковым зрением, как трясется Валина спина.

– ...например, для женщин, работающих на сексуально опасных работах, скажем контролерами в местах лишения свободы, или посменно, когда им приходится поздно возвращаться домой.

«Ой, умру я, умру прямо сейчас!!! Анна О. приедет на мои похороны... Там и увидимся!»

– А это что – ВПISКУ? Поясните, – выдавил Андрей из себя, с трудом ворочая шершавым, как напильник, языком.

– Аббревиатура. Полное официальное название прибора – «Вагинальное полуавтоматическое индивидуальное секаторное компактное устройство».

«Все, ребята, сегодня я точно не обедаю... Возможно, не ужинаю... Пост у меня, пост! Дополнительный, вне расписания. Великий!»

– Так вы хотите, Никита Васильевич, чтобы мы опубликовали материал, который мог бы привлечь производителей?

– Да, – все с тем же великолепным достоинством произнес изобретатель. – Я заинтересован в продаже лицензии на производство.

«Уж это точно кто-то купит... Чтобы торжественно сжечь! Вместе с изобретателем!!! А может, и с тем идиотом, который сделает публикацию... Ой, худо мне, худо!»

– Хорошо... Можно скопировать какой-нибудь чертеж или рисунок?

– Мне бы не хотелось, – поморщился Поликарпов. – У меня неоднократно похищали идеи.

– Он будет размером в десятую часть оригинала – даже при желании ничего не сплгиатишь. И печать газетная не очень четкая. А солидности это придаст. Возможный... производитель убедится, что это не пустая идея, а серьезная научно-техническая разработка.

– Вы уверены в сохранности моего авторства?

«Да кто ж захочет такое украсть?! Только полный, отпадный шизик!»

– Гарантирую.

– Ну хорошо. Полагаюсь на ваш профессионализм.

– Надеюсь вас не разочаровать. Телефон у вас имеется? Вдруг я захочу что-нибудь уточнить в ходе работы над статьей.

Дед пробежался изучающим взглядом по лицу Андрея, тот поспешно отошел, чтобы отксерить чертежик.

– Это Валя, наш ответственный секретарь... У нее через пару дней вы сможете ознакомиться с материалом, что-то подправить – мало ли что я не понял.

– Прекрасно. Я обязательно зайду. Приятно было пообщаться.

Поликарпов с достоинством откланялся и не торопясь пошел на выход.

С отчаянным усилием выждать еще минуту – чтобы изобретатель ничего не услышал из коридора или с лестницы, – Андрей рухнул на стул и зарыдал, уронив голову на руки. Валя, тоже не стесняясь, с подвизгом ему вторила.

На пороге, ошалело водя глазами, появился главный. Андрей вскочил как ужаленный.

– Михал Юрич, вы, вообще, в своем уме, а?! Мне, молодому мужику, таких клиентов подсовывать?! Да я задушить его был готов! По потолку размазать!

Андрей принялся бегать по комнате, размахивая руками.

– Выражаю горячий протест против распространения подобных челоноконенавистнических идей через наше издание! Если надо, я сам стану в пикет под вашим окном!

– Да, Михал Юрич, мне тоже было не совсем комфортно присутствовать при этой беседе, – заметила Валя, вытирая платочком потекшую тушь. – С таким устройством хорошо в русскую рулетку играть – на какую девицу попадешь... с инсталляцией или без. К протесту решительно присоединяюсь. Я сама не стану себя так... оснащать и никому не присоветую.

– Ну, это твое личное дело, – проговорил Борода, тоже, правда, глумливо хихикнув. – Материал сделаешь – однозначно! – повернулся он к Андрею. – Ты профи – ты все уметь обязан, а свое личное отношение к материалу должен...

– ...засунуть в задницу, – тихо проговорила Валя, но Борода все-таки расслышал и метнул на нее гневный взгляд.

– Валя! Ты – лицо редакции! От тебя я такого не ожидал. Когда будет готово, Андрей Викторович?...

– Сегодня. Поем – и засу... сделаю. Хотя какой после такого обед?...

Борода ничего не сказал, удалился к себе. Андрей накинул куртку и направился якобы на обед. После кулинарных изысков ясновидицы он обычно не ел весь день, растрясал калории, и сейчас решил просто пробежаться.

Похоже, наконец, утверждалась настоящая летняя погода. Был конец мая, стояли самые длинные дни в году. Заря, едва померкнув на западе, сразу начала брезжить на востоке. Деревья, воскурив зеленый дымок первых нежных листочков, уверенно покрылись густыми летними нарядами.

Сколько еще Анна будет разбираться со своим новым состоянием? Сколько он не должен ее беспокоить? Точного срока они с Ксюшей Петровной не устанавливали... Ну, еще недельку, а там... Хоть из вежливости он может ее навестить? Или встретить случайно...

...К концу прогулки по старой части города Андрей мысленно написал этот безупречный по форме и гнусный по содержанию материал, назвал

ВПИСКУ оружием следующего поколения и новым словом в обеспечении безопасности женщины. А разве нет?

Вали не было на месте. Андрей сразу сел за работу. Материал – стоило только сесть за компьютер – пошел быстро.

«У, вот чего надо Монокарпу этому насоветовать – пусть бы он и мужикам какую-нибудь оснастку хитрую изобрел!.. Ой, не приведи господь сболтнуть!.. Возьмет и изобретет!»

– Веселишься? – услышал Андрей Валин голос и вздрогнул. – ВПИСКУ опискиваешь?

– Пришла?... Да, весело. Никто не поверит, что всерьез. Подумают – первоапрельская отрыжка.

– А за это у нас Михал Юрич в ответе. Наше дело телячье!

...Борода довольно крякал, читая материал про эпохальное изобретение местного Кулибина. Ни малейшего подвоха в статье он не улавливал. Подняв на Андрея влюбленные глаза, удовлетворенно произнес:

– Я же знал, что ты справишься! Блеск! Гуляй до послезавтра!

В голове у Андрея уже зародилась просьба дать машину и адреса детских летних лагерей, но тут вспомнилось опрометчиво данное Ксюше Петровне обещание не разыскивать Анну О. Звук пришлось задавить в утробе.

– Валя, а Валя! – услышал Андрей, направляясь к выходу с этажа, голос главного. – А где кормящий отец наш, Костик? Я его, по-моему, уже вторую неделю не наблюдаю.

«Ага, не я один кого-то разыскивать рвусь, – злорадно подумал Андрей. – Борода Костика шукать вздумал... Вот и пусть Костыка поработает... А я буду тупо сидеть дома или бродить по улицам, задаваясь одним и тем же вопросом: почему мне не звонит Анна О.? Вспоминает она обо мне? И позвонит ли вообще когда-нибудь?»

Проснувшись поздно без особого желания что-то делать, Андрей лежал и смотрел на бледно-голубое небо за окном и огромный дуб, нехотя покрывающийся листвой. Самый старый из окрестных деревьев, он и оперялся последним.

«Ух, и желудей поедим осенью – страшно подумать!.. А где я буду осенью – здесь или в Москве? Нечего загадывать! Главное, выдержать паузу...»

Поняв, что, лодырничая таким образом, он ничего хорошего, кроме дополнительной смертной тоски, не получит, Андрей встал и пошел ставить чайник.

«А ведь надо позвонить Терпсихорову, прокатать ему на факс первую статью и спросить как и чего. Вот и развлечение».

– ...Феликс Феликсович, это Андрей.

– Бонжур, мон амур, – раскатился в трубке бархатный голос академика.

Андрей рассказал, что уже вышла первая статья об их экспедиции, в эту пятницу будет вторая – так что неплохо подкинуть материала на следующую публикацию.

– Ты знаешь, друг Андрэ, а твой мальчонка-то открытие нам принес, этот златокудрый ангел, вестник небес!

«Уж Серега и ангел!.. Знали б вы, Феликс Феликсович!»

– В каком смысле открытие? – решил уточнить он.

– А он добыл нам некий клочок шерсти, пардоньте за низкий штиль...

– И чей клочок оказался? – изобразил Андрей голосом величайшее волнение.

– А ничей! – взвизгнул от восторга Терпсихоров. – Неизвестное науке животное! Димыч уже вторую неделю буквально невменяем!

– Я скажу моему парню. Он будет счастлив. А что в самом-то деле с этой шерстью, если серьезно?

– Если серьезно – мы отдали образец на анализ генетикам, но они ничего конкретного выявить не смогли – только разводят руками. Даже видовую принадлежность называют неуверенно – вроде гоминид, но не человек. Старый очень волос оказался.

– Но этого не может быть по определению. Что он там, на веточке, с ледникового периода висел? Тогда кустиков этих не было. Им и двадцати лет не наберется.

– Да-да! – рокотал в трубке академик. – Это и интригует! Я тебе могу прислать распечатку.

«Придется топтать в редакцию... А может, оно и к лучшему. Тошно одному».

Снаружи переливался волнами теплого воздуха прелестный весенний день. Редакция в такие дни оказывалась особенно близко от дома.

«Отделаюсь побыстрее и поеду... куда-нибудь. Не будет машины – хоть на автобусе».

На лестнице Андрей едва не столкнулся с помятым и недовольным Костином.

– Привет! Ты как?

– Я на задание.

– Удачи.

Костик только хмыкнул в ответ.

«Ага, снял тебя Борода с насеста! Ну, побегай, побегай! Не все ж мне за тебя работать!»

– А ты чего пришел? – удивилась Валя, неторопливо ковырявшая вязальным крючком у выключенного компьютера. – У тебя ж выходной.

– Академик кое-что прислать должен. И я ему. А... Костыка куда ускакал? У него морда лица была как кой-чего объелся.

– Почти!.. – подняла она голову, хитро улыбаясь. – Дело-то неприятное, да... Михал Юрич ему «почетное» задание дал – массовый понос обозреть. А он сам знаешь как заразы боится... Деткам своим принести...

– Ну, правильно боится.

Пока открывал электронную почту, отксерил первую статью об экспедиции и наладился пропустить ее через факс. И вдруг какое-то холодное, тяжелое, неизвестно откуда взявшееся чувство вползло ему в душу. Неотвратимо – как голодная анаконда-людоедка в тростниковую хижину амазонского индейца.

– А... что за зараза? – чуть осипшим голосом спросил у Вали.

– Да в лагере отдыха то ли повара не досмотрели, то ли медперсонал обмишурился. Что-то типа массового отравления – человек двадцать ребят сегодня ночью в кишечное отделение привезли. С температурой и поносом... Ты куда?!

Андрей метнулся в двери – ему нужно было догнать коллегу и уехать или вместе с ним, или вместо него!

– ...Андрей, Андрюша!!! – услышал, уже сбегая через три ступеньки вниз. – Тебе не надо... туда ехать! Не надо! Вернись!

Уже у входной двери затормозил, все-таки глянул на Валу, которая стояла площадке. Какая-то женщина прошла за ее спиной, ошарашенно рыская глазами: что за беготня и шум?

– Почему?

– Не надо... Там... Ани нет. Вернись, а? Пожалуйста!

Андрея колотило и разрывало на части – хотел все-таки догнать Костика и перебить у него задание. Валя, явно напуганная его рывком, нервно сглотнула и протянула ему руку – словно маленькому ребенку:

– Пойдем. Там Ани нет...

– Откуда ты знаешь? – тоже сипло ответил Андрей.

– Я знаю. Пойдем.

Чувствуя, как подкашиваются ноги, а лицо неумолимо сворачивается в обиженную, огорченную гримасу, Андрей стал медленно подниматься по лестнице. На Эйфелеву башню – в ином состоянии духа – он бы поднялся быстрее.

Валя пропустила его вперед и плотно закрыла за собой дверь комнаты.

– Тебе не надо туда ехать. Ани Озерных там нет, – повторила тихо, но отчетливо выговаривая слова.

Андрей даже не стал спрашивать, почему Валя решила, что он бросился искать Анну. Наверное, она все знала либо догадалась, чисто по-женски.

– Ты ведь подумал, что там... Аня?

– Да, – едва ворочая языком, ответил Андрей. – Ты все знаешь?

– Ну, – Валя чуть откашлялась, – в общем. Кое-что. Ты ведь подумал, что повторяется та же история, как тогда, давно, в школе, да?

Андрей кивнул отяжелевшей головой.

– Нет, там просто обычная эпидемка. Аня в другом месте.

- Откуда ты знаешь?
- Она мне звонила.
- Андрей поднял голову:
- Почему ты не сказала?
- Потому что она мне не велела. Просто интересовалась, как ты себя чувствуешь, чем занят, о чем пишешь...
- Да? – чуть оживился Андрей, ощущая, как кровь приливает в щекам.
- Да. Но очень просила, чтобы я тебе ничего пока не говорила.
- Андрей вздохнул.
- Анечка... она очень... хорошо к тебе относится, – тщательно подбирая слова, произнесла Валя.
- Ты это сейчас придумала.
- Неправда. Я знаю. Я же дольше тебя Аню знаю. Просто ей надо немного прийти в себя после этой истории. И она опасается грузина, который ее преследовал.
- «Похоже, Валя не знает всего... Это к лучшему», – решил Андрей.
- Разве я не мог бы ее защитить?
- Вот именно этого она не хочет. Поэтому не велела тебе ничего говорить. Она о тебе заботится.
- Ох, не надо мне такой заботы!.. А откуда ты знаешь, что в том месте ее нет?
- Валя, увидев, что он слегка отошел, улыбнулась и сделала чистые, невинные глаза.
- Потому что это лагерь для старшеклассников – они там в ролевые исторические игры дуются, на палках фехтуют. Анечка с маленькими, с дошколятками, работает.
- Ты и это знаешь? И часто она тебе звонит?
- Ну, пару раз в неделю.
- Андрея снова захлестнула удушливая волна обиды.
- А мне ей трудно позвонить, да?
- Она же о тебе печется! – прижала Валя руки к груди. – Каждый раз о тебе спрашивает!
- Я не понимаю, не понимаю, почему она не хочет со мной общаться.
- Ну, ты пока вообще мало что о женщинах знаешь. Давай я чаю поставлю, а?
- Поставь – хуже не будет.
- Понимаешь, – продолжила Валя, наливая из дежурной бутылки воду в чайник. – Женщине очень важно, как она выглядит... Перед свиданием мужчина думает: «Что я скажу?», а женщина: «Что я надену?» Вот она хочет немного отдохнуть, успокоиться и тогда с тобой встретиться.
- Это она тебе сказала?
- Нет, но... Я тоже вроде как женщина. Мне это очень понятно. Я бы и сама так поступила.
- Валя разлила кипяток в чашки.
- Анечка к тебе очень хорошо относится, – повторила как можно убедительнее. – Она обязательно с тобой свяжется. Потом. Просто надо подождать.
- Я умру, пока дождусь, – обреченно проговорил Андрей, сосредоточенно разглядывая, как темнеет чай в чашке. – На могилку она ко мне придет, а? Слезу пролить?
- Ох, голубок, ну что ж ты такое говоришь?! Люди же, случается, десятилетиями друг друга ждут!
- Я не хочу столько ждать, – упрямо повторил Андрей.
- А-а! Андрюша здесь!
- Дверь с треском распахнулась, и на пороге появился Борода.
- Как кстати!.. А ты чего пришел?
- Андрей начисто забыл, «чего он пришел», ему понадобится усилие, чтобы вспомнить.

– Эниологи материал обещали прислать, – вяло ответил главному.

– А... Это хорошо. Если ты не очень занят, съездишь тут?...

Он умильно улыбался, только что не подпрыгивал на месте. Андрей пожал плечами.

– Съезжу.

– Это на часик, самое большое.

– Да съезжу, не проблема. Говорите, что надо.

– Для настоящего журналиста нет слова «нет»!

...Дениску начали искать почти сразу, в тот же день. Милиция даже не стала выжидать положенных троих суток – пропавшему было всего пять лет. Он вышел во двор и пропал. Как в воду канул. Милиция прислала проводника с собакой, та покрутилась около дома, виновато поглядывая на проводника и повизгивая от бессилия, но следа так и не взяла. Похоже, парнишка даже не выходил со двора. Родители, люди небогатые, уже ждали звонка с требованиями выкупа, но его не последовало. Сочувствующие из ближайших домов организовали прочесывание окрестностей по расширенному радиусу – ничего. Мать была в невменяемом состоянии, отец – отчаянно пьян. В округе стали поговаривать о похищении с целью разобрать мальчика на запчасти...

Все разрешилось счастливым, но совсем неожиданным образом.

– ...Я не понимаю, как я не почувствовала, – говорила Андрею мать, чуть покачивая Дениску, словно грудничка. – Как не почувствовала, что он совсем рядом?

Глаза ее были опухшими от слез, и, похоже, она все еще не могла оторваться от ребенка. А спасла Дениску не милицейская овчарка, а крошечная собачонка – «чупа-чупс с глазами», как называл таких Андрей.

...Весь квартал уже третий день жил в условиях ЧП. Родители не выпускали детей гулять – пошла вторая волна слухов, теперь о «маньяке». Тогда же во дворик вывели, точнее, вынесли на ладошке погулять восьмимесячную йоркширскую терьериху, собачьего пупсика с кокетливым бантиком на темечке. Та, торопливо присев по надобности, вдруг бросилась изо всех ног в кусты, где ожидал своей участи... старый промышленный холодильник. Его на днях вытащили из ближайшего магазина, бомжи-металлисты до него не добрались, а Дениска и решил обследовать. Дверь за ним защелкнулась, исследователь оказался в кромешной тьме и провальном беззвучии. Трудно сказать, слышал ли он, как вокруг ходили люди, – факт, что они его не слышали. А учуяла его как раз эта малышка – забарабанила в дверцу крошечными лапками, завизжала, запрыгала. Хозяйка, ничего не понимая, открыла дверь... и Дениска, совсем ослабевший, вывалился ей на руки.

– Какая-никакая, а все-таки собака! – с гордостью говорила хозяйка, демонстрируя Андрею героиню криминальной истории. – Учужала! А мы ведь редко в тот дворик заходим. Это она меня туда потянула...

Андрей погладил «чупа-чупса» одним пальцем – по-другому не получалось.

– Они на одной волне работают, – предположил Андрей, наблюдая, как щенок поводит носиком-пуговкой – как маленьким хоботком. – На детской. Потому она его и засекла.

– А, да, наверное, – радостно согласилась хозяйка.

«И как мой парень себя там чувствовал, в темноте, один, и как я себя чувствовала эти двое с лишним суток – того никому не понять. Хорошо, хоть воздух до него доходил», – вспоминал Андрей, топя пешком с окраины города, слова Денискиной матери.

Еще ему рассказали, что на радостях парнишкин отец на неверных ногах наладился было идти бить морду владельцу магазина, невзначай, но верно поставившему коварную ловушку. Соседи мстителя с трудом удержали, а невольный виновник выслал родителям «отступного», и тоже отнюдь не картошкой.

«Вот и конец статьи: «За такую безалаберность нельзя наказать по закону. А жаль!» – решил Андрей.

– Чего вернулся-то? – спросила Валя, уже сматывавшая вязанье.

– Да уделаю материал по горячим следам, – довольно вяло ответил Андрей, присаживаясь за компьютер. – Ты иди. Я закрою.

– Ты не куксись, ладно? Все будет хорошо, – многозначительно улыбнулась Валя и ушла. – Факсочек не забудь. У тебя на столе.

Андрей кивнул и сел писать. Через полчаса, когда общая схема была изображена и ее только надо было обрестить выразительными деталями, зазвонил телефон. Был уже восьмой час.

«И кому это редакция понадобилась? Что-то срочное?» – подумал Андрей, нехотя вставая.

– Алло, редакция слушает.

На том конце молчали, но Андрею показалось, кто-то дышит в трубку.

– Редакция слушает. Алло?

Опять молчание и дыхание. И вдруг он понял, кто звонит.

– Аня, Аня!!! – буквально завопил он. – Аня, поговори со мной, пожалуйста!.. Не бросай трубку!

– Да-да, это я, – услышал через секундную паузу издали и глуховато.

– Почему ты мне не звонишь?! Что случилось?! Я тут с ума схожу!

– Ну вот видишь, все-таки позвонила, – выдохнула она.

– Как ты, где?

– Работаю с малышкой, вроде все в порядке. А ты-то как?

– Я тоже работаю с малышкой и тоже в порядке. Ты не с мобильника?

– Нет... Я по местному. А что у тебя за малышня?

Андрей, отстрадав три недели, сейчас просто не знал, что сказать Анне, не знал, как поведать о своей тоске. Чтобы удержать ее в эфире, рассказал о сегодняшнем задании, но не стал упоминать, как кинулся ловить Костика.

– ...Пожалуйста, Аня, дай мне свой телефон. Или обещаю звонить сама, – чувствуя, что сейчас скатится на какой-то безнадежный, тоскливый скулеж, попросил Андрей.

– Я буду звонить тебе домой, ладно? Как деток спать отправлю, буду звонить. Но не каждый день. Тут желающих много.

– А... когда мы сможем увидеться? – решил закрепить успех Андрей.

– На Ивана Купалу, – чуть помолчав, ответила Анна.

– На Ивана Купалу?! – удивился Андрей.

– Ага. – В трубке переливчато рассмеялось. – Не рассказывали тебе? Тут новые язычники праздник летнего солнцестояния устраивают. Уже лет пять, наверное. Через костры голышом скачут – очищаются. Если я смогу вырваться на эту ночь, тоже приду подурчиться.

– А где это происходит?

– Ох, это надо уточнить... Они каждый год в разных местах собираются. Смотря по погоде. Там и увидимся. Хорошо?

– Аня, не исчезай, пожалуйста! Я ужасно... по тебе скучаю.

– Я тоже скучаю, Андрюшик!.. Но дай мне еще немного времени. Извини, меня отрывают. Я позвоню. Пока!

В ухе мерзко запищало. Андрей положил трубку и долго сидел за Валиным столом. Вот... Анна позвонила, хотя и не ему... И назначила свидание. Почти точно назначила, да! И какое романтическое – в самую короткую, чуть ли не белую ночь! В грешную, языческую ночь! Нет, ну каково?... А девушка не так уж беспомощна и наивна.

Андрей почувствовал, как его лицо расплывается в счастливой, глупой улыбке. Судьба все-таки на его стороне! Не зря он решил задержаться в редакции... Поймал русалку за хвост! Или почти поймал...

«И когда у нас Ивашка? – подумал, наконец вставая и глядя на стенной календарь с приторно-зеленым пейзажем. – Сегодня двадцать седьмое мая... До солнцестояния всего ничего!»

Его забило радостной дрожью – до встречи с Анной оставалось меньше месяца! Чувствуя, что не может сидеть перед дисплеем, Андрей, судорожно кликая мышью, выключил компьютер, закрыл комнату и, под тяжелым взглядом ночного дежурного, вылетел из здания. Уже на улице вспомнил, что забыл листки, присланные Терпсихоровым, но это было не важно. Наукой заниматься сегодня вечером ему хотелось меньше всего.

Снаружи было сумрачно, свежо и удивительно томно. Андрей только недавно догадался, что это за редкое – только летнее – ощущение, когда совершенно не чувствуешь своего тела, словно растворяешься в воздухе. Это случалось, по всей вероятности, тогда, когда температура окружающего воздуха точнехонько совпадала с температурой кожи и поэтому абсолютно не ощущалась... Вот бы такую погоду да на Ванюшку Купалу!..

Дома Андрей впервые за эти недели плотненько поел. Потом лежал в темноте одетый, представлял, как будет проходить их с Анной свидание...

...Зыбкая, теплая ночь, синий, но не черный небосвод в ярких немигающих звездах, возбуждающе-резкие крики языческих менад, прыгающих через костер... Невесомые юбочки взлетают, потайные детали анатомии на миг освещаются рыжим-бесстыжим огнем... Хищные рыки голых по пояс дикарей, вождельно преследующих юниц, жаждущих избавиться от своей невинности. Он ищет среди них Анну, в сумраке заглядывая в девичьи личики, под длинные светлые волосы, но это все не Анна, не она... А девчонки, переливчато посмеиваясь, слегка касаются его торса шаловливыми пальчиками, загадочно улыбаются, приглашая побегать за собой. Но Андрей ищет Анну, только ее... Рядом чуть слышно плещется то ли река, то ли озеро, там кто-то довольно фыркает, играет, купается... На горизонте уже появилась оранжевая полоска, с каждой минутой разрастается, отодвигает вверх голубеющий небосвод... В зарослях поодаль слышна возня, томные вздохи, хриплое, но очень довольное ворчание. Наверное, кто-то нашел цветущий папоротник и спешно выкапывает зарытый под ним клад. Или что-то другое, еще более ценное?! А Андрей все рыщет по редющей на глазах толпе празднующих, ищет Анну...

Он проснулся в полночь с чувством щемящей обиды – так долго ждать, так жестоко страдать и все-таки не найти ее! С облегчением осознал, что это был сон, полежал еще, с удовольствием ощущая, что призрачная обида медленно, неохотно уползает. Никакого неудачного свидания не было. Свидание с Анной впереди, и будет оно сказочным, чудным... великолепным.

«Да, надо узнать, что там требуется... Дресскод, командировочное удостоверение... Ага, надо получить аккредитацию!» – совсем уж развеселился Андрей, представив на себе именной бейджик вместо фигового листа.

Надо было ложиться спать всерьез, Андрей встал и пошел чистить зубы на ночь. В ванной рассмотрел себя повнимательнее. Не обрюзг за месяцы, которые не ходил качаться в спортзал? Вроде нет... Лицо было заметно усталым или скорее привыкло за последние недели выражать досаду и тоску.

Он подтянул пальцами чуть опустившиеся уголки рта – так значительно лучше. Разве стоит показывать Анне, что измучился неизвестностью и ожиданием? Он очень хочет ее видеть, но представать перед ней в раздрюзганном, жалком виде – нет.

«Интересно, где обычно шалют местные язычники? Спросить нешто у Бороды? Ага, навяжет материал делать... Ну и сделаем! Матерьяльчик будет цимес – как говорит ответственный секретарь редакции».

Всю ночь его преследовали сладко-мучительные видения, но проснулся Андрей на удивление бодрым и таким же ввалился в редакцию, где Валя выдавала внештатникам гонорары.

– Я тебе в стол положила, – мельком глянув на Андрея, сказала она. – К Бороде зайди.

– Затаился и поджидает, змей? – свирепо прорычал Андрей, вынимая конверт с деньгами из ящика.

Валя еще раз глянула на него – веселый сегодня?! – и снова уткнулась в ведомость.

– Привет, герой! – возрадовался главред. – А у меня для тебя темка – блеск!

– В обмен на информацию, – бранчливо процедил Андрей.

– А чего хочешь? – подпрыгнул в кресле Борода.

– А где тут у вас языческие непристойности проводятся?

– Которые на Ваньку Купальщика? – хитро прищурился главный.

– Типа да. Хочу посетить, поучаствовать и осветить.

– Это замечательно!.. Но это не сейчас. Я дам тебе наводку, потом. А ты мне сейчас один матерьяльчик сделай, хорошо?

– Я уже сделал матерьяльчик про мальчика.

– А он где? – задрал Борода очки на лоб.

Тут Андрей вспомнил, что мальчика-то с собачкой не доделал.

– Сейчас Валя спиногорызов этих разгонит, и я пропущу на печать.

– Зачем так про наших бесценных помощников? Без внештатников газеты нет.

– Ладно, я не прав. Говорите, что надо.

Настроение Андрея с каждым мигмом улучшалось. А вот любимый шеф внезапно огорчился и сокрушенно завздыхал:

– У матушки настоятельницы неприятности, можно сказать, горе...

– Господи! – почти искренне схватился за сердце Андрей. – Да кто ж посмел ее забидеть?! Порву гада, как Тузик тряпку. Машину дадите?

Андрей решил, что надо сразу ехать в Голубинский монастырь и воевать с супостатами веры Христовой.

– Не, к ней пока ехать не надо. Она еще вряд ли готова с прессой говорить. Надо сначала к нашему человечку в органах подскочить.

– Не пугайте, Михал Юрич.

– Да-да, – снова вздохнул Борода. – Телефон загашниковский сохранился у тебя?

– А то как же.

– Ты позвони, так, тактично, с подходом, от моего имени, попроси дать информацию о событии в Голубинском. Я в тебя верю.

Борода спрятал пакостно посверкивавшие глаза и отвернулся к дисплею.

– Ну вы меня и озадачили, Михал Юрич, – протянул Андрей, но, поняв, что сейчас из главного ничего больше не вытянешь, вернулся к себе в комнату.

«Ох, не к добру это все! Ну да ладно. Работа – главное лекарство от депрессии. Быстрее время пройдет», – подумал Андрей и, найдя номер бравого майора, набрал органы.

– Ну... да... В монастыре задержан злоумышленник, – как всегда неохотно, заскрипел Загашников. – Вы подъезжайте. Я тут, на месте, поясню.

Путешествуя в громыхающем трамвае в новый центр города, Андрей попробовал вообразить, на что мог покушаться таинственный злоумышленник, но ничего, кроме банальной кражи старинных икон, придумать не мог.

«На невинность послушниц покушался? Фу, как мерзко... Но в этом нет ничего загадочного – элементарная уголовщина. Скрутить вражину – да и в узилище! И чего Борода так отчаянно темнит? И сам этот мышинный герой – Загашников?»

Первое, что сделал Андрей, войдя в кабинет майора, – бросил взгляд на его несчастный, покусанный мышом-трупоедом глазик. На майорском веке все еще был виден маленький розовый шрам.

«Пустяки, бандитская пуля».

– Присаживайтесь, товарищ корреспондент, – веско произнес майор, пожав руку.

«Где б я слышал это, но только не здесь!» – подумал Андрей и нажал клавишу диктофона.
– Что вы можете сообщить прессе об обстановке в Голубинском монастыре?

Майор негромко крякнул, скептически глянул на горящий красным глазом прибор.

– Собственно, э-э, имело место вторжение на закрытую территорию лица мужского пола...

– Мать Божья! – невольно воскликнул Андрей.

– Во-во! – вдруг, расслабившись, хмыкнул майор. – Мать-то мать, но не Божья.

... Чем дальше слушал Андрей Загашникова, тем труднее было ему удерживать челюсть, неотвратимо стремившуюся рухнуть на потертый линолеум майорского кабинета.

... Максютя Баранов несколько раз пытался поступить в духовную семинарию. Но как не ладилось у него с учебой даже в простой среднероссийской школе, так не получалось отвечать под пристальными взглядами бородатых экзаменаторов. Не учяли архиереи в нем и особой любви к Господу. А почему? А потому, что не было ее – особенной-то... Нравилось Баранову ходить в церковь потому, что чаровали его парчовые одеяния солидных священников, да и служители помоложе в сверкающих золотым шитьем ризах тоже очень-очень импонировали... К тому же с юности худенький, бледненький, редковолосый мальчик имел странную склонность к женскому белью и колготкам...

– Ну вот он и решил, – глумливо хохотнув, произнес Загашников, – одним махом убить двух зайцев. Украл у сестры – что-то года на полтора она постарше – паспорт, переделал в женское, платочек на голову надел и явился к матушке – мол, примите на послушание Христа ради! Фотография похожа – родственники же. Подол ему тоже никто не задира – кто ж на такое рассчитывал? Ну и пожалели, приняли.

– А чего он в мужской-то монастырь не пошел? – удивился Андрей.

– Это ты сам у него спроси, – опять ухмыльнулся майор. – Мы его на семьдесят два часа задержали, так что сегодня к вечеру выпустить должны.

– А покарать за содеянное? – хищно оскалился журналист.

– Так вроде и не за что! За хулиганку – так он лучше всех себя там вел, молился, работал. За нарушение режима? Монастырь же не зона. Да и церковь у нас отделена от государства. Шум был, когда они его своими силами выдворять начали, а потом милицию вызвали... Мало-значительный проступок. Вот так.

– А на чем попался? На бритье?

– Э нет. Он похитрее был. Он лицо этой штукой мазал, которой женщины с ног волосы сводят. А погорел на том, что его знакомые узнали. Прямо там, на службе. Думали спервоначалу, что это его сестрица, а потом прикинули – она ни в какие монашки не записывалась, живет себе, с ребятами гуляет... Так и разоблачили, охальника. Он принялся матушке в ноги кидаться, говорить, что заработает на операцию, станет настоящей женщиной...

– С матушкой плохо не было?

– Не знаю – туда дежурный патруль выезжал. Так что? Пойдешь к... этому?

– Если организуете.

– Не проблема. Здесь он, не буйный.

Свидание с Максимом-Мариной состоялось в комнатке для допросов.

Перед Андреем село странное существо, одетое в темные, кажется фланелевые, одежды – но было оно все-таки в брюках. Длинные, жидкие волосы, прилипшие к черепу, бледное до голубизны лицо. Невеселое зрелище – с учетом чрезвычайно несчастного вида.

– ...Кем вы себя по-настоящему ощущаете? – возможно деликатнее допытывался Андрей. – Мужчиной или женщиной?

– Эком я себя ощущаю, – вертя головой, проскрипел монашка-расстрига. – Почему я не могу жить, как хочу? Маринка, сестра моя, – может, а я не могу, да?

– Ваша сестра живет обычной для молодой женщины жизнью, – мягко произнес Андрей.

– А может, для меня такая жизнь тоже обычная?

Он поднял голову и глянул на Андрея блеклыми серыми глазами.

– Ну хорошо. А монастырь, религия как с этим соотносится?

– А красиво-то как! Свечи, рясы... Музыка душевная, пение. Мне там хорошо было.

«Тебе самая дорога в шоу-бизнес, друг. С распростертыми объятиями примут, как своего!» – согласился Андрей, наблюдая, как ожили и заблестели возведенные горе глаза собеседника.

– В искусстве себя попробовать не хотите?

– Я некрасивая.

«Что верно, то верно», – подумал Андрей, но сказал:

– Это вы напрасно. Да и умелый грим делает чудеса.

– Я ничего запомнить не могу. Память шибко плохая. Я и молитвы только по книжке читал. «Отче наш» только помню.

– Да, досадно... И какие же ваши планы на будущее?

Тот передернул плечами:

– Не знаю... Может, найду обитель, где таких, как я, принимают. Есть такая, не знаешь?

«Каких – таких?!»

– Нет... Но можно поискать. Свяжетесь со мной через несколько дней? – кивнул Андрей, протягивая бедолаге визитку.

– Деньжат не подкинешь? – понизив голос, попросил тот. – Я без копыя. Домой доехать не на что.

«Пора линять, а то на постой проситься начнет», – забеспокоился Андрей, незаметно вынимая из бумажника две сотенных, – в комнату через окошечко регулярно заглядывал дежурный.

– Это... много, – нерешительно промямлил маргинал, жадно глядя на купюры.

– Ничего, берите.

– А хочешь, я тебе еще что-нибудь расскажу? Там, про детство...

– Ну, когда выйдете, позвоните – тогда и поговорим.

– А, – разочаровался тот. – Тогда...

– ...Ну и как впечатления? – оживился майор Загашников, увидев Андрея.

– Да несчастный человек-то. Он же себя вообще никак не ощущает. Впору в приют при монастыре отправлять. Вопрос при каком – при мужском или при женском. Ладно, спасибо за материал. Пришлю на сверку.

– ...Как съездил, богатырь?! – радостно обернулся Борода, когда Андрей прибыл в редакцию. – Чего не весел-то? Загашников обидел?

– Нет, майор просто душка. Но в истории этой смешного, а тем более радостного мало.

– А чегой-то? – продолжал резвиться главред. – Это ж конфетка – мужик в бабьем подряльнике в женском монастыре... Мурмелад! Три месяца там балдел, гад, – и никто не догадывался!

– Этот Марина-Максима не догадывается, кто оно на самом деле. Это совсем не радует. Я матушке настоятельнице позвоню, Михал Юрич?

– Звони, сынок! Сегодня съездишь? Машина свободна.

– Вряд ли. Настроения нет. Я лучше мальчика из холодильника доделаю. А к матушке – как получится.

О чем, собственно, расспрашивать игуменью, Андрей пока не придумал, сел за компьютер, чтобы просмотреть еще раз статью о маленьком «затворнике». Материал вышел жалостный, но полемичный – за детьми не смотрите, мамы-папы дорогие!

Видя, что время поджимает, Андрей все-таки набрал номер обители. Сестричка на том конце спросила кого-то, где матушка настоятельница, и через минуту игуменья взяла трубку:

– Ну, вы, как я понимаю, из-за этого случая с... молодым человеком?

Тон у нее был суховатый, она явно была не расположена обсуждать тему.

– В общем да. Это Михал Юрича задание. Но в общем, вы же знаете, я просто пользуюсь любым предлогом, чтобы у вас побывать, оторвать вас от важных дел...

Андрей подпустил в голос улыбку, не слыша возражений, добавил:

– Может, вы мне еще что-то расскажете, ну, менее скандальное. А?

– Ну хорошо, приезжайте. До шести вечера. У нас тут большой молебен с катавасией...

– С чем, с чем?! – против собственной воли прыснул в трубку Андрей.

– С катавасией, – повторила матушка терпеливо, но Андрей понял по голосу, что она тоже улыбается. – Приезжайте, я вам разьясню на месте.

Голубинский монастырь выплыл из-за пригорка как всегда – чуть неожиданно и вдохновенно. Теперь его от дороги отделяло не зеленое поле, а широкая полоса лимонно-желтого цвета.

«Надо спросить, что это такое. Красиво – аж жуть!»

День был теплый, но не очень солнечный, на фоне бледно-голубого неба желтое поле просто сияло.

Пройдя на территорию, Андрей обнаружил некое волнение, не свойственное обыкновенному, непраздничному дню. По двору сновали насельницы, к чему-то явно готовясь и нервничая.

«Это что – и есть катавасия?» – опять ухмыльнулся Андрей, но принял благопристойное выражение лица и прошел в офис.

– Ну что вам сказать о произошедшем, – вздохнула игуменья. – Психически нездоровый человек воспользовался нашим доверием. Был разоблачен совершенно случайно и закономерно выдворен из обители. Если вы с ним говорили, знаете, пожалуй, больше меня.

– Не проклинали вы его?

– Церковь никого никогда не проклиняет. Или почти никогда. А у меня вообще нет такого права.

– А как в принципе православие относится к трансвестизму, перемене пола?

– Крайне отрицательно. Как Господь распорядился, так тому и быть.

– Но если человек не может жить таким, каким родился? Не может смириться с данностью?

– У церкви один рецепт: покаяние, пост и молитва, – нравоучительно отчеканила игуменья. – Все остальное – от лукавого.

«Во, не зря ездил – хоть теперь знаю, как лечиться от тоски по Анне», – невесело вывел он для себя.

– Хорошо, спасибо. А что это у вас тут за... катавасия намечается?

Он едва сдержал неуместный смешок. Матушка тоже едва заметно улыбнулась.

«Ага, не совсем от суетно-мирского избавилась!» – обрадовался почему-то Андрей.

– У нас сегодня служит архимандрит Феодосий из Савва-Сторожевского монастыря, что близ Звенигорода. А катавасия – это когда хор нисходит к аналою и поет там. Только и всего.

– А, простите мое невежество, с чем это связано?

– Фермер один местный заказал молебен пред иконой святого Селиверста.

– Того самого?

– Да. Он считается молитвенником от болезней скота, мора.

– А что, в районе эпизоотия? – удивился Андрей. – Михал Юрич мне ничего не говорил.

Матушка чуть замялась:

– Нет, там несколько иное. Извините, Андрей, мне надо идти готовиться. Если хотите, встретимся после службы.

– Присутствовать можно?

– Храм открыт для всех.

Известие о неведомой беде – такой, что даже священника с другого конца области привезли, – сильно не понравилось Андрею. Какое-то затхлое, погребное дуновение...

«Матушка что-то говорила тогда о напастях непонятного происхождения – папа Слай вроде по ним спец. Ладно, все потом», – решил Андрей.

Послушать службу, еще расспросить игуменью, может, этого... архимандрита удастся разговорить.

Феодосий оказался совсем молодым человеком, высоким, свежим и румяным на лицо, с кудрявой каштановой бородкой. Пел высоким, звонким голосом, резво кадил, позванивая цепочками. Хор дружно и охотно ему подпевал. Потом девушки спустились к отошедшей назад публике, встали перед священником, который, сложив пальцы в некую изящную фигуру, стал ими дирижировать.

Андрею давно было душно и скучно. Непонятные слова, произносившиеся скороговоркой, эти бесконечные «Господи, помилуй!»...

«Бездуховная личность – вот я кто!» – вынес Андрей приговор самому себе и стал краем глаза разглядывать публику.

Он обратил внимание на средних лет плотного человека, стоявшего в первом ряду и усердно крестившегося. Дорогой костюм выглядел на нем неорганично – крестьянский коричневый загар не сочетался с добротной темно-синей тканью.

«Ох, пойду-ка я...» – вздохнув, сдался он.

Снаружи было чудно – чистый воздух, безлюдный двор, покрытый, как плюшем, низенькой густой травкой, засиневшее к вечеру небо, начавшие розоветь облака. Благодарь!.. Где-то призывно чирикала еще не севшая на гнездо птичка.

Гулять Андрею пришлось недолго. Из боковых дверей пошел народ. Пропустив выходящих, Андрей вернулся внутрь. Феодосий, согласно кивая, слушал загорелого мужчину в костюме и что-то говорил ему в ответ. Вклиниваться в беседу было неудобно, тем более что игуменья, которая могла представить его, не было видно.

«Ладно, не горит, – решил Андрей и направился в ворота. – Материал закончить мне информации хватит, а про эту... катавасию... потом узнаю».

– Ну, богатырь, рассказывай, – повернулся к нему Борода, к вечеру, как водится, севший поиграть в шахматы. – Что там матушка?

– Ну, так... Времени у нее на меня особенно не было. Но что надо, я узнал. Ключи возьмите.

– Ага... Что-то ты смурной, я гляжу, а?

– Я просто задумчивый. Новая темка наклеивается... Как вылупится, скажу.

Борода внимательно посмотрел на Андрея, но дальше рыться в его душе не стал, и Андрей его мысленно за это поблагодарил. Он ведь и сам не слишком хорошо понимал, почему его так задело известие о появлении иногороднего пастыря-молельника Феодосия.

Но утром засесть за новую статью не получилось.

– Андрюша, сынок! – бросился к нему главный, едва он появился на этаже.

Глаза у Бороды были красные, отекавшие, он усиленно хлюпал носом.

«Простыл, что ли?» – подумал Андрей.

– Горе-то какое!

Сердце у Андрея рухнуло, как камень с обрыва, ноги мерзко обмякли.

– Пал Никитич преставился! Такой крепенький был, а? Сталь! А преставился!

Борода горестно покрутил головой и высморкался.

– Чего – он так из больницы и не вышел?

– Нет, там и помер. Почти что в одночасье... Некроложок набросай, а? Как ты умеешь, душевно...

Ты ведь с ним общался. Я сейчас биографическую справочку занесу. Напишешь?

– Да это-то как раз не проблема, – задумчиво протянул Андрей, направляясь к себе.

Борода не озадачился его последним замечанием, горестно вздыхая, принялся за свои дела. Андрей направился к своему столу, встретился глазами с Валею, которая что-то набивала. Она тоже была расстроена.

«Проблема в другом... Неужели это... от того чудища? Водяного скакуна? Три раза встретишь – и с катушек. Да нет... Ерунда, чушь собачья. Но он-то в это верил! Самовнушение? Ведь и лет-то чекисту было немало».

– Ты в порядке? – неожиданно спросила Валя, и Андрей вздрогнул.

– Да, а что?

– Да ты какой-то... Бормочешь что-то...

– Я работаю, Валя! – едва разжимая сведенные от злости челюсти, сказал Андрей. – И... можно тебя попросить?

– Да?

– Немного менее пристально за мной следить. Раздражает.

Андрей чувствовал, что сейчас заведется не на шутку. Губы у Вали дрогнули.

– Извините, пожалуйста, господин ведущий автор.

– Ради бога, госпожа ответственный секретарь.

Кажется, они повздорили в первый раз. А чего она его сканирует? Так дыр-дыр, туда-сюда! Он не маленький.

В комнату впал Борода с несколькими листочками в руке.

– Вот, Андрюша, этапы славного пути усопшего. С нарочным доставили. Извини, что в таком виде. У них там документы в факс не идут – хилые. И по соображениям безопасности.

Это была бледненькая ксерокопия автобиографии Пал Никитича.

– Разберешь?

– Да не волнуйтесь вы так. Все сейчас будет сделано.

«Ох, вот что надо уточнить – история-то не для печати!»

– А причину смерти указывать надо? И какую?

«Во исполнение старинного народного поверья?...»

Борода грустно покачал всклокоченной головой:

– Напиши: после непродолжительной, тяжелой болезни. О господи...

– Не переживайте, Михал Юрич, миленький, – вступила Валя. – Он хорошую жизнь прожил, длинную, полезную, не серую. Всем бы такую.

– Главное – честную! – воздел палец Борода и укочивлял к себе.

Привычно бегая пальцами по клавишам, Андрей набросал прочувствованный, богатый лирическими отступлениями текст о славном жизненном пути Пал Никитича, подчеркнул, что полковник до последнего дня сохранял активную жизненную позицию, и отнес дискету главному.

– Ты, сынок, не обессудь, но я сам от себя кой-чего добавлю. Я ж подольше тебя его знал.

– Я не в претензии.

– Ты не сходишь в магазин? Веночек заказать от редакции, а? – глянул на него Борода поверх очков. – Это тут недалечко.

– Ох, ну я не знаю, – буквально застонал Андрей.

– Я схожу, – кротким голоском сказала Валя, появившаяся в дверях.

– Да, Валь, сходи, – обернулся к ней Андрей. – Я лучше за телефоном пригляжу или еще чего.

«Вроде не сердится... Во не свезло мне по-крупному! – стал размышлять Андрей, вернувшись за компьютер. – Аннушка не звонит, Никитич перекинулся, Терпсихоров не может с волосьями этими бурыми разобраться и материала для следующей статьи не шлет... Да, а где мой друг и подельщик Серега Павлючок? Какие нивы окучивает? Может, хоть он меня развлечет своей неизменной веселостью и изобретательностью, пусть не всегда отвечающей букве закона?»

Решив, что позвонит Павлючку вечером, Андрей слегка успокоился, вернее, перешел из раздраженно-нервного состояния в печально-подавленное. Погода, что ли, меняется? Куража для изготовления обличительного материала про «монашку» не было. Андрей закрыл файл, так ничего к нему и не добавил.

«Матушке разве позвонить? Насчет катавасии с выходом?»

– Михал Юрич, у меня материал не закончен тот, монастырский. Если я созвонюсь – отпустите?

– Отпущу, чего ж нет, – меланхолично отвечал Борода. – Попросишь матушку за упокой души помолиться. Спросишь там кого и сколько...

«Уй, опять влип! Ну куда от этого не деться!»

Матушка, нараспев сказала женщина в трубке, была на территории, и, хотя приглашения навестить он не получил, Андрей все-таки поехал в Голубинский. Сидеть в редакции бок о бок с горящими коллегами было невмоготу.

Снаружи на Андрея мягко и неотвратимо упало замутившееся до пепельного цвета небо. Солнце виднелось тускло-желтым кругляшиком, но свет от него шел настолько утомительный и неприятный, что Андрею пришлось надеть темные очки. В машине даже на полном ходу было душно – воздух словно обтекал лицо, ничуть его не охлаждая. Собиралась гроза.

«Сначала сделаю все, что похуже, – эту епитимью, или как ее там... Потом монашка-неваляшка, и совсем потом – про катавасию».

Заупокойная служба оказалась не слишком дорогой и называлась красивым словом «сорокоуст». Андрей, чувствуя, что, по сути, подловатенько откупается за свое отвращение к похоронным делам, заплатил за все отпевания и молебны и даже получил кассовый чек.

Матушка, пока он делал свои дела, ловко перебирала клавиши на клавиатуре и щелкала мышкой, – кажется, отправляла электронные сообщения.

«Интересно, а Господу Богу можно написать? Православные за кощунство сочтут, а католики продвинутые, поди, что-нибудь такое уже придумали. Сайт завели специальный».

– Матушка, можете мне минуту уделить? – тихо спросил Андрей, пересаживаясь от стола, где сидела бухгалтерша, отличавшаяся от любой другой монашки только белым платочком на голове.

– Могу, если только не о...

– Нет, я б если и спросил, то как вы собираетесь в дальнейшем оградить себя от подобных казусов. Материал мне закончить надо. А?

– Не знаю, – сухо ответила игуменья, слегка передернув плечами. – Запрошу Синод. Пусть вырабатывают дополнительные правила. Осмотр врача, справку из женской консультации...

– Хорошо... А что за служба у вас тогда была? Очень меня впечатлила.

Андрей был искренен, и игуменья это уловила.

– Да... Отец Феодосий оказался очень интересным человеком.

Матушка чуть расслабилась и наконец поглядела ему в глаза.

– Службу заказал местный предприниматель, точнее – фермер. Это как бы наш профиль – изгнание нечисти.

«Ой-ой-ой!»

Внутри у Андрея что-то болезненно жалось – так внезапно и сильно, что защемило диафрагму. Андрей прикусил губу, но, к счастью, матушка закрывала файл на компьютере и этого не заметила.

– У него, этого фермера... Только, пожалуйста, Андрей, если будете писать об этом, как-то поделикатнее, чтоб не нагнетать страсти... Так вот, у него начал пропадать скот...

– Пропадать скот? – изумился Андрей.

– Да, овечек кто-то стал таскать средь бела дня, прямо с пастбища... И крупный скот пострадал.

Пару племенных коров пришлось зарезать, потому что у них были такие глубокие раны... Будто волк или медведь подрал. Лечить было дороже, хотя и животные сами по себе дорогие, иностранные.

– И это было соотнесено с... теми преданиями?

Ломящая боль в подвздошь чуть отпустила, но убираться вовсе не желала.

– Ну, люди-то помнят об этом, – пожала плечами игуменья, прибираясь на вполне аккуратном столе. – Скорее всего, это воровство или злостное хулиганство, чисто человеческий грех. Но коль скоро был запрос от нашего постоянного жертвователя, мы пригласили отца Феодосия, и он отслужил пред иконой святого Селиверста.

– И каковы результаты?

– Пока не знаю. Но отец Феодосий рассказал, что подобные случаи имели место во Франции, прямо посреди города Парижа.

– Ну да?! И когда же?

Монахиня чуть улыбнулась.

– Во времена, описанные Александром Дюма в «Королеве Марго». Да... Некий священник, отец Марсель, впоследствии канонизированный как святой, также молитвой изгнал некое речное чудовище, которое нападало на купальщиков и рыбаков или вылезало из Сены и утаскивало мелкий скот, собак.

– Ух ты... Значит, есть определенная тенденция? Не просто так это все?

Матушка сложила пухлые руки перед собой и пожала плечами:

– Ничего просто так не бывает. Посмотрим, дошла ли наша молитва.

– А еще есть способы борьбы с такой напастью?

– Есть, как не быть. Если уж очень нечистые свирепствуют, то на время снимается со звонницы церковный колокол – тот, который побольше, и в него звонят над водой.

– Над водой?

– Да, эти богопротивные твари, как видно, чаще в водоемах обитают или где-то поблизости.

«Интересно, – хмыкнул Андрей, – этот фермер, он тоже у речки живет?»

Они чуть помолчали. Андрей почувствовал, что пора собираться, и выключил диктофон.

– Да, и еще раз прошу вас, Андрей, как друга нашей обители – осторожнее с выводами. Не надо понапрасну пугать людей.

– Да я вообще не уверен, что буду об этом писать.

Игуменья поджала губы.

– Что, я здесь с вами зря время теряю?

– Ни в коем случае, матушка, помилуйте! Эти сведения неоценимы для наших общих ученых друзей. Они будут в восторге. Ну, по-своему, по-научному.

«Ага, еще и в Париж свалят – в Сену датчики метать. Вот весело парижанам-то будет!»

Напряжение почти отпустило. Андрей незаметно глубоко вдохнул.

– Адрес и телефон заказчика пожалуйста? Заодно узнаю, дошла ли молитва. И на вас мне ссылаться не придется – даже если я напишу об этом. Вы как бы выпадаете из повествования.

– Ну, если только так, – согласилась матушка и выдала два стикера с телефонами.

«Во, не зря съездил! – думал Андрей, мчась по почти пустому шоссе в город. – Звезюга-то опять шалит, а?! Не я ли ее тогда выпугнул, весной, и во второй раз, когда она в получеловечьем облике по кустам шастала?»

Андрей некстати вспомнил про Пал Никитича и опять огорчился.

«Это же он, он! Водяной-леший хорошего дядьку загубил! Полковник еще пяток лет свободно прожить бы мог... Да, надо ехать к этому фермеру, расспросить как следует, что там за лихоманка. Поймаю лешака – своими руками убью гада!»

За героическими мыслями Андрей не заметил, как со спины на него, на поля и на город, уже обозначившийся вдаль, напозла сизая, как синяк под глазом, туча. Пахнуло сырým холодом, по крыше машины, словно пули, защелкали первые капли.

– Как съездил? – вяло спросил главред, обернувшись на его шаги.

– Нормально. Вот только... Нельзя ли сделать так, чтобы я не присутствовал непосредственно на...

«Господи, как же не люблю даже слова эти!»

– А чего? – удивился Борода. – Он к тебе очень хорошо относился. Даже звонил мне, спрашивал: кто таков? Толковый парень, говорит, старательный, вежливый...

– Во-первых, я в натуре не терплю таких мероприятий. Во-вторых, я хочу помнить Пал Никитича живым и здоровым, с блеском в глазах... В-третьих, его жена мне в волосы вцепится, весь торжественный настрой мероприятия поломает. Она может посчитать, что я... как бы сказать... виноват. Если он рассказывал ей о наших приключениях с этим «конем»...

И тут Андрей выложил главному, который на время очнулся от своей скорби, и про то, как полковничиха не хотела пускать мужа на озеро, и про того странного мужика, чуть не попавшего под колеса их машины. Пришлось упомянуть и сегодняшний разговор с матушкой о несчастных подранных овечках-коровках.

– Значит, говоришь, Никитич верил в водяного коня – ну, что через него загнуться можно? И опять эта погань откуда-то возникла? – уточнил главный, предварительно озадаченно помолчав.

По окнам редакции стекали последние струи догнавшего Андрея грозового ливня. Над городом в просветах серых туч появились бочажки по-вечернему лазурно-эмалевого неба.

– Вы прикиньте, шеф, каждые тридцать пять лет эта нечисть на охоту выходит, а? Никитич говорил – органы хотели эти безобразия на происки врагов народа списать, да не получилось. Тридцать седьмой годок, приснопамятный, а?...

Борода слушал его, чуть приоткрыв рот.

– Вы в каком году освещали тот процесс?

– В семьдесят втором... Весной было, а потом засуха разразилась, три месяца дождей не было... Торфяники в Шатуре горели – об этом я тоже писал.

– А сейчас у нас который годик на дворе – прикидываете?

– Ох, слушай, да ты ж просто гений!

– Ну, гений не гений... Но!.. – Андрей воздел к небу палец. – Получается, вроде как одно поколение проходит, и все начинается снова. Как иначе это трактовать прикажете?

Они немного помолчали.

– Я окошки открою? – спросил Андрей у боявшегося сквозняков Бороды.

– Открой, сынок, открой... А то мне прям жарко от твоих – как бы это выразиться? – логических построений.

– Я только факты сопоставил, Михал Юрич. Повторяется та же история, которую вы когда-то освещали.

– Так мы же, э-э, упыря того, хм, чисто отловили и шлепнули. Согласно приговору советского суда.

– Того-то шлепнули! И того, что до войны, тоже шлепнули. Но ведь никакое животное одно жить не может. Популяция хоть какая-то минимальная должна быть. Племя!

– Да, но он тогда на людей, на женщин особенно, нападал. А?

– Все впереди, Михал Юрич, все впереди... Сейчас как узнаешь? Документов нет. Может, тогда тоже все с овечек у речек начиналось. Только никто этих событий не сопоставил. А закончилось женщинами.

– Ну, ты меня совсем пугаешь.

Главред звучно хлопнул себя по ляжкам, встал и принялся ходить по комнатке.

– Вопрос, как предупредить население, – продолжил Андрей.

– Никак. Либо не поверят, либо дел наделаем, смятение в умах поселим. Матушка тебе правильно говорила. Может, обойдется, а? Молитвой его, татя болотного, доконают? Святой Селиверст заступится за нас, грешных?

– Бум надеяться.

– Бум-бум.

Андрей тоже встал. За окнами было сумеречно, но дождь почти прекратился. Слышался стук последних, редких капель по жестяному подоконнику.

– Но я к этому фермеру съезжу?

– Съезди, почему нет. Сколько у тебя статей на эту тему?

– Эта четвертая будет. А почему вы спрашиваете?

– А мне сегодня бумага пришла – предлагают участвовать в конкурсе публикаций по экологической тематике. Вот я и думаю тебя выдвинуть. Не возражаешь?

– Да нет, выдвигайте.

«Вернуться в Москву лауреатом – то, что нужно!» – прикинул Андрей.

Вышел из здания на прохладный, обдавший его долгожданной свежестью воздух, вдруг подумал: «А я хочу возвращаться в Москву? Я лично, не как молодой журналист с амбициями, а как таковой? И как же Анна? Уехать без нее? С ней? А она захочет? Да, Анна, Анна... Присушила, заколдовала русалочьим смехом, невинным взглядом голубых глаз... Не звонила ему сегодня домой? Нет, рано, только полвосьмого вечера...»

Договориться с фермером было трудно. Он почему-то решил, что Андрей непременно выставит его в невыгодном свете, долго отнекивался, бормотал про свою деловую репутацию. Пришлось пустить в ход последний довод – или он сам даст правильную информацию, или другие дадут неправильную. Довод подействовал, тем более что Андрей обещал не указывать место, имя обозначить инициалами и сказал, что статья будет чисто экологической направленности.

– Только, парень, ненадолго. И во второй половине дня. Утром я сильно занят. Хозяйство!

«А на раннее утро я Костика и не раскачаю».

Несмотря на давно и клятвенно данное обещание, отец-герой в редакции отнюдь не дневал-ночевал, работая только по жестокому принуждению главного, отключал мобильный и не подходил к домашнему телефону. А если глав-вред или Валя звонили ему домой, недовольный голос Костика перекрывал мощный дуэт его сыновей.

– А что делать? – вздохнул Борода, положив трубку. – В армии тоже кому-то служить надо. Вот ты, например, злостно отлыниваешь от выполнения естественного долга перед Родиной. Костык за тебя, считай, расстарался.

– Но он подойдет сегодня? – все-таки уточнил Андрей, пропустив мимо ушей обидное замечание главного.

– Подойдет, – не слишком уверенно ответил Борода и поплелся к себе.

В комнатке, где стряпали очередной номер главный с новым верстальщиком Борей, в уголке стоял большой венок из искусственных цветов с черной лентой. Увидев его утром,

Андрей внутренне содрогнулся и твердо решил, что во что бы то ни стало найдет предлог сбегать из редакции. Даже если придется идти «по письму читателя» – слушать жалобы какой-нибудь старушки на маленькую пенсию и бездушные взрослые детей.

На этой нервной волне Андрей быстро доправил статью о монашке-перевертыше, посоветовал, что негодяй воспользовался добротой попечителей монастыря, и выразил надежду, что светские власти дадут должную правовую оценку деяниям этого прощельги. Дабы не марать гнусным соседством, Андрей стер из материала светлое имя матушки настоятельницы и отнес дискету Борде.

В угол, где стоял венок на проволочных ножках, старался не смотреть.

«Позвоню-ка Сереге... Где-то мой духовный наследник обретается?»

Павлючок ответил почти сразу:

– Ой, дядя Андрей! А я думал, вы уж обо мне и не вспомните.

– Это ты про меня забыл. Материала не приносишь, не звонишь, спецкор хренов...

Павлючок на том конце провода фыркнул.

– Подвалишь к остановке, поговорим?

– Ладно, сейчас буду.

Ждать Павлючка пришлось недолго.

– Ну ты и растешь! Месяц тебя не видел, а ты уж...

Андрей рассказал, что едет ловить некоего таинственного злоумышленника, который ворует овец и кусает за бока породистых коров.

– У меня впечатление, что это как-то связано с нашими приключениями на озере. Не хочешь со мной?

– Ой, вот жалко! – досадливо и совсем по-детски сморщился Серега. – Я мамке обещал с малым посидеть...

– А что, – не понял Андрей, – у тебя братишка есть?

– Да, – нехотя проскрипел Павлючок. – Мамка нашла какого-то придурка, родила вот только... Но я его люблю, парень все-таки, воспитываю... Смешной такой, ногами шебаршит.

«Вот-вот! Все размножаются! Все! Даже Павлючки всякие! А я-то что?!»

– А... отец его не помогает?

– Да нет, – безнадежно махнул рукой Серега. – Как мой – только узнал, слинял. Мамка всегда себе таких находила. Я теперь за кормильца.

– Ох, Серега!..

Нехорошая догадка обдала Андрея холодным душем. Павлючок это понял.

– Серега, а как наш уговор?

– Да вы не думайте, дядь Андрей. Я у своих, у стареньких и бедных, не тырю. А у кого тырю – так те даже не замечают!.. Я у одного крутого борсетку шопнул из машины, кэш забрал, а все остальное отдал через день, вроде как нашел брошенное. Так он так рад был, что я ему кредитки с башлями и мобилу с нужными номерами вернул, что мне еще и добавил! Тех денег нам троим почти на месяц хватило. Коляску классную братану купил!

Он улыбался, явно ожидая одобрения.

– Ох, Серега, Серега...

Они шли рядом по тихой улице старого города вдоль трамвайных путей. Андрею захотелось приласкать не ко времени повзрослевшего воришку. Он на ходу прижал его коротко стриженную голову к себе, слегка потянул за ухо – символически надрал уши за воровство.

– Если попадешься – хоть позвони.

– Отмажете, да? – Павлючок хитро взглянул на него.

– Один раз выручу. Но не больше.

– Да я не попадусь. У нас совсем малые и глупые и те не попадают. У нас район такой. Пацаны такое тут выдумали!..

– Ну-ну? – подозревая, что услышит нечто совсем поганое, насторожился Андрей.

– Ага... У одного нашего пацаненка папаша хотел «поправиться», а тетя в киоске в долг не поверила, сказала: уже месяц не отдаешь. А у него-то трубы горят, злой, как Бобик! Так он вернулся домой, слазил в подпол, изловил крысу...

– Крысу?!

– Ага, голыми руками! – завизжал от восторга Павлючок. – Принес в киоск и ка-а-ак кинет в тетяку! Она в крик, под прилавок забила, крысяк тот шнырь-шнырь, а мужик похватал с прилавка, что было, и деру!

– И что – не поймали его? – выпятил губу Андрей, сомневаясь.

– Как не поймать – она ж его как облупленного знает. Административку на него менты выправили, штраф. Но он же взрослый, не пацан... А пацанята – те быстро скумекали что и как, стали с мышкой на дело ходить.

Андрей почему-то представил себе компьютерную мышку и озадачился.

– Ага! – залился Павлючок. – Живоловку специальную купили – чтоб мышка живая была, не битая.

– Ох, Серега, у меня от тебя голова циркулем.

– Вы слушайте... Они выберут киоск или палатку, подальше от дома и где товар получше, подойдут и эту мышку на прилавок выпустят. Мышка бегаёт, тетя в трансе, визжит, а они хапнут что получше, и ноги в руки. Здорово, да?

– Здорово-то здорово, а как потом той тете за товар расплачиваться? Она ж тоже не от хорошей жизни на улице торгует.

– Я не знаю, – признался Павлючок. – Накрутит, поди, на другой товар... Я сам этим не занимаюсь, честно.

Они прошли ещё немного молча.

– Мне идти надо, дядь Андрей. А то братан проснется.

– Да, конечно, ступай. Старайся, ладно? Быть хорошим.

– Я стараюсь.

Андрею показалось, что парнишка искренен. Или почти искренен. Или хочет думать, что старается быть хорошим...

– Ну и как там твой приятель? – спросила Валя, когда Андрей вернулся в редакцию.

– Робингудствует. Тырит только у богатых. Четко. Костик не отменялся?

– Вроде нет. Позвони спроси.

– Если я позвоню, он точно выклянчит у меня отпущение грехов. И статья если состоится, то с фотографиями из архивов Бороды.

– Ты прав, – потрясла кудряшками Валя и взялась за трубку. – Ты завтра утром как?

– А что?

– Мы ж с Михал Юричем на похоронах.

«Ух, надо ж настроение мне испортить! Ведь почти в порядке было!»

– Я посижу напишу. Все будет о'кей.

Костик, недовольный, с мятой физиономией и в несвежей рубашке, ввалился в помещение в три дня, заранее нудя, что у него всего два часа времени.

– До следующего кормления? – осведомился Андрей, вскидывая на плечо сумку.

– Да что ты понимаешь! – завелся фотокор.

– То, что мы едем на задание. Двигай!..

Андрей хотел уточнить, чем Костику следует двигать, но, поскольку в редакции был траур, прикусил язык.

Ехали довольно долго, скатываясь с шоссе на двухполоску, с нее – на сельский проселок. Фермерское хозяйство дало о себе знать огороженными проволокой изумрудно-зелеными выпасами, откуда на редкую здесь машину с любопытством поглядывали мордастые буренки и наряженные в одинаковые синие ветровки пастухи.

– По фирме работает мужик. Порядок, как в Голландии, – заметил Костик, вытаскивая камеру. – Притормози, друг, я панорамку сниму. Борода такие виды обожает.

Андрей, тихо в душе радуясь, что драгоценный коллега не ворчит, остановился. Костик сделал «крупешник» – портрет слюнявой бело-рыжей коровы, будто специально подошедшей к ограде, чтобы попозировать.

– А вы кто будете, господа?

К ним мелкими перебежками скакал пастух, мужичонка лет сорока, со следами бывшего алкоголизма на лице.

– К хозяину вашему едем, – улыбнулся Костик и щелкнул – как пристрелил – еще и пастуха.

– К Степанову, что ли?

– А у вас что – другие есть? – невежливо бросил через плечо Костик, обходя машину.

Отъезжая, Андрей заметил, что синий вынул мобильный телефон и куда-то позвонил.

– Ага, нас засекли.

– Не беда, – ответил Костик, – мы ж легально едем. Или нет?

– Легально. А тут даже система оповещения налажена.

– Хм, так, поди, эти коровы как нормальная тачка стоят. Есть за что бороться. К ним, представляешь, даже быков местных не подпускают, – хихикнул Костик. – Говняются... Не тот коленкор!

– А ты откуда знаешь?

– Да теща моя драгоценная здесь бухгалтером работает. Рассказывала.

– А как же насчет прибавления семейства? В смысле поголовья?

– Эмбрионы покупают за границей. Породистые. Приезжает иностранный специалист с термосом и пипеточкой... и того. Кап – и готово.

– Фу, жуть какая, – искренне осудил извращенную, пусть и современную практику Андрей. – Не наш метод, а, Костик?

– Не, не наш! – радостно подтвердил фотокор. – Мы не будем перекладывать важнейшую задачу на плечи хилого Запада!

– Не будем, нет!

Так, от души смеясь, они добрались до подворья Степанова. Дом в усадьбе был хоть и хорошим, двухэтажным, но не сверхшикарным.

– Да, трудом богатства не наживешь, – закричал Костик, вылезая из автомобиля.

– Ты не расслабляйся – может, наживешь.

– ...А мне уже доложили, – хитро усмехнулся Степанов, пожимая им руки.

– Да мы знаем, – тоже чуть прищуриваясь, ответил Андрей. – Четко ваши бдят.

– И что вы от меня хотите узнать?

– Что вы нам расскажете об этих эпизодах с отравой, или как это называется. Это для нас. И хотите, сделаем для вас – в благодарность – фоторепортаж для какого-нибудь серьезного специализированного журнала. С картинками. Тут у вас так красиво...

– Красиво-то красиво, а только пришлось срочно электропастушки устанавливать, штат добирать после всех этих передраг. А с хорошими кадрами здесь напряг. Пьют!..

Степанов огорченно покрутил большой лопухой головой.

«Устроюсь пастухом – в крайнем случае, – решил Андрей. – Мало ли что... Русалок пасти буду – красота!»

– Поедемте, я вам то место покажу.

Кажется, Степанову сейчас было даже приятно поделиться с кем-то своими бедами. Они сели во всепогодную внедорожную «Ниву», и Степанов повез их прямо по траве, через редкий кустарник, уж вовсе без дороги. Ехали недолго – минут десять.

– Во-о-от, – с явным осуждением произнес Степанов, поджидая, когда Андрей с Костиком выберутся из машины.

«Ох, что-то я сейчас увижу?»

Они подошли к фермеру, стоявшему к ним спиной и озирающему окрестности. Андрей сделал еще несколько шагов и оказался на гребне довольно высокого холма. Дальше следовал длинный пологий склон, а в низинке, в бахrome из камышей, поблескивала речка, неширокая и темноводная.

– Вот туточки, на берегу, мои бляшки и паслись. Один раз их кто-то распугал – едва собрали, другой раз потом вообще подрали... Смотреть страшно было... Как будто со злости рвали.

– Может, волки? Весна, они в стаи сбиваются.

– Волков здесь давно нет, это ближе к Рязани. А в стаи они сбиваются к зиме. Сейчас по парам разбились, волчат пестуют, – нравоучительно произнес Степанов.

«Сговорились они все, что ли? Об одном и том же!» – внутренне возмутился Андрей и спросил:

– А вам кто-нибудь угрожал – недоброжелатели, завистники?

– Да и это было, но не сейчас – когда только на ноги становился. Но тогда дом грозили спалить... Нет, это не похоже. Овечки-то, коровки чем виноваты? Ну, угнали бы... Нет, не думаю.

– А на других... в других местах такое случалось?

– Здесь и чуть поодаль. Там коровушки мои паслись – так с ними такое учудили! Шкуру с боков ключьями посдирали, пришлось срочно резать, чтоб не мучились.

Степанов снова покрутил головой, чрезвычайно огорченно.

«Переживает», – мысленно вздохнул Андрей.

Коров, таких больших, глазастых и важных, ему тоже было жалко.

– Не верю я, что местные. Пусть самые алкаши, а не стали бы со скотиной такое делать! – продолжил фермер. – Коровка – она ж спокон веку на Руси кормилицей называлась. Если у семьи корова есть – точно семья голодать не будет. Поэтому я и молебен в монастыре заказал. Нечисть тут какая-то завелась, точно!

– ...А как эта речка называется? – спросил Андрей, когда выговорившийся и оттаявший Степанов угощал их с Костиком домашней наливочкой и крепкими, хоть и прошлогодними огурчиками в пупырышках.

– Речка-то? Осетр.

– Осетр? А что так? – удивился Андрей.

– В старину в ней, говорят, настоящие осетры водились, пудовые. Вода там чистая да холодная и посейчас, а тогда такие рыбины вырастали, говорят, – у-у! Могли телка утащить при случае.

– Это интересно.

– Что, интересно? – насторожился Степанов.

– Про осетров. Для ученых. Они весной приезжали, на Озерки.

– А, так это ты про коня водяного писал? – впервые за день просветлел фермер.

– Я, Иван Степаныч, – улыбнулся Андрей. – А что – помогла вам та монастырская служба? Не повторялось это с вашими животными?

– Да вроде как помогла. Тихо. Пока не шалят. Я еще мужичка нанял, непьющего, пожилого – у него бессонница. Он за полтинник два раза за ночь по берегу проходит, колотушкой нечистых пугает.

– Так все-таки вы не исключаете, что имело место вмешательство потусторонних сил? – решил уточнить Костик, до этого молча уписывавший домашнюю буженину.

– Когда, парень, за одну неделю на пять тыщ евро наказывают, ничего не исключишь. Тут кому хочешь в ножки поклонись!.. Следов никаких не нашли, милиционеры руками развели и уехали. Так что... Мы все такие – как тревога, так и до Бога.

«Хорошие слова».

Когда Андрей с Костиком засобирались в обратный путь, Степанов, склоня голову к плечу, все-таки спросил:

– Что ж вы такое писать-то про меня будете, я все в разгон не возьму?

– Правду напишем – что у вас прекрасное, современное, экологически чистое хозяйство. Михал Юрич сам решит, как это подать.

– А про водяного?

– Ну, это мы ученым сообщим в частном порядке. Пока материала не набирается на публикацию. Сами говорите – ничего в точности неизвестно. Ни следов, ни свидетельств очевидцев. Зачем людей страшать?

– Вот, Андрюх, если б меня в этот журнал пропечатать, а? Ты же сам предлагал.

Степанов, вдруг затрепетав, сунул Андрею в руки глянцевого журнала. На обложке был логотип Евросоюза и название по-английски «Молочная ферма».

– А? Не получится? Я заплачу, ты не беспокойся.

– Мне-то вы ничего не должны. Если выстроится хороший материал – отправим в этот журнал. Дадите на время? Там адрес редакции и все такое.

– Бери, бери!.. Я отблагодарю!

– ...Ты чего – в самом деле напишешь в этот журнал? – недоверчиво выпятил губу Костик, когда они шли к выходу.

Сам хозяин уже спешно отбыл на ферму – бдить вечернюю дойку.

– Да отчего ж нет?... Ты не забудь...

И тут Андрей увидел то, чего ему видеть совсем не хотелось.

У въезда на усадьбу затормозила машина, новенький красный «судзуки». Из нее вышла, чуть воровато оглядываясь... Тамара Зуева.

«И на какие же шуршики ты, чернявая, иномарку купила? На свои гонорары? По рублевой штуке за полосу в «Подмосковной мимозе»?»

– Что-то поздно ты, Зуева, – произнес Андрей, заводя машину. – Все уже разошлись.

Тамара, резко мотнув черными кудряшками, обернулась в их сторону. Андрей, не прикрывая дверцы, вырулил с участка и остановился напротив «судзуки». Тут она его узнала. Черные глаза вспыхнули злыми огоньками, накрашенные ярко-красным губы поджались.

– Если ты насчет своих родичей из преисподней, материал мы весь взяли.

– Я найду еще, – прошипела она явно только для того, чтобы хоть что-то ответить.

– Как знаешь, милая. Удачи.

Андрей захлопнул дверцу и с места стартовал так, что взвизгнул мотор, а в Тамару из-под колес полетели камешки.

– Чего ты? – удивился Костик, оглядываясь в заднее стекло на удаляющуюся усадьбу. – У вас с ней вроде бы на мази было.

– Ничего у нас с ней не было! – огрызнулся Андрей.

«Ух, если до конца дня я не оторву кому-нибудь башку, этому кому-то, считай, крупно повезло! – подумал Андрей. – А чего она здесь, интересно, ищет? По ее темам здесь ничего нет. Прознала о возвращении блудного водяного коня и приехала на разведку? Не могла же она не читать моих статей... И какие сделала выводы? Хочет и его приспособить под свои цели?»

– А машинка у нее ничего, – заметил Костик, просматривая на фотоаппарате снимки.

– Не с гонораров, уж точно, – процедил Андрей, и до города они больше не разговаривали.

Он оставил машину у редакции и ушел домой – ждать звонка от Анны О.

«Интересно, а как складываются отношения между этими водяными-лешими и русалками? Как у нимф и сатиров? Эти уроды преследуют пугливых, длинновласых красавиц, а те отдаются только прекрасным богам-олимпийцам? Это утешает».

Предаваясь далекоидущим фантазиям, Андрей гипнотизировал телефон, который, как ему казалось, должен был сегодня обязательно связать его с Анной.

«А где у меня карта района?»

Андрей принялся искать в бумажных завалах свернутую карту.

И тут старомодно, без полифонических наворотов, задрезжал пожилой дисковый аппарат. Почти ни на что не надеясь, Андрей поднял трубку. И услышал через треск и шуршание нежный голосок:

– Андрюша, привет, это я... Ты меня слышишь?

– Слышу, слышу!.. Ты как? Все у тебя в порядке? – едва удерживаясь от ликующего клика, отозвался Андрей.

– У меня все замечательно. А ты как?

– Я безумно хочу тебя видеть. Ты это знаешь, – почти застонал Андрей в трубку. – Когда ты приедешь?

– Очень скоро – ты же тоже знаешь...

Они, словно их могли внезапно прервать, обменивались торопливыми фразами, из которых следовало, что Анна работает с детишками, много гуляет, почти успокоилась и стала забывать про... ну, понятно...

Андрей больше слушал – и потому, что ему было приятно слышать переливчатое журчание ее голоса, и потому, что о своих новостях сообщать Анне ему совсем не хотелось. Он только вскользь упомянул о визите в монастырь и обещал кланяться матушке, когда увидит ее снова.

– Ну ладно, Андрюша, заканчиваем. Тут еще желающие есть поговорить. Купаться сейчас пойду.

– Так поздно? Это не опасно?

– Да нет, – засмеялась Анна. – Светло же!.. Чуть позднее, когда солнце сядет, комарье полетит, тогда очень опасно станет. Сейчас в самый раз.

– Ты осторожнее.

– Я не одна, с девчонками. Я хорошо плаваю. Да и речка здесь совсем мелкая – для малышни подбирали.

Когда на другом конце линии въедливо запетюкало, Андрей, не кладя трубки, еще посидел у аппарата, осознавая, как он устал за этот долгий день. Он хотел еще что-то сделать?... А, ладно... Самое лучшее, что могло произойти, произошло. Он поговорил с Анной, она о нем помнит, она хочет его видеть и скоро-скоро, через совсем чуть-чуть, они будут вместе.

Всю ночь Андрею опять снилась беготня в сумерках, босиком по теплой, влажной от росы траве. Отовсюду из зарослей слышались томные возгласы и кокетливое, привлекающее хихиканье. Догнать изнывающих от чувственного томления нимф мешала цивильная одежда. Он пытался содрать ее с себя, а гнусные тряпки липли к вспотевшему телу, как пропитанный драконьим ядом хитон Геракла... Они жгли и жгли его невыносимым жаром...

Утром Андрей обнаружил, что за ночь скрутил простыню в тоненькую бечевку, расправить которую сейчас просто не было времени. Он выкинул ее в бельевую корзину и попытался

привести себя в порядок – глазки у него, хоть и горели хищным огнем, были подчеркнуты синевой.

Андрей отправился в редакцию, страстно желая только одного – не пересечься с коллегами, отъезжающими на похороны Пал Никитича.

«Ага, я ж хотел еще про русалок в Интернете разузнать... Какая-то у водяных людей предыстория имеется? Вон и в Париже зверье речное водилось... Может, в западной истории русалки тоже след оставили?»

...Оказалось, не без этого. Но ундины, попадавшие в руки людей, больше морские или океанические, были как на подбор редкостно уродливы. Темнолицые, с вывороченными ноздрями, со змеиными, а не рыбьими хвостами. Были среди них и особи мужского полу, о чем свидетельствовали тщательно сделанные очевидцами рисунки. Русалки, даже если с ними хорошо обращались и пытались кормить, в неволе очень тосковали, в вербальный контакт с людьми не вступали и жили не более двух-трех дней. Если из гуманных соображений их отпускали назад в море, они исчезали в водах с невиданной резвостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.